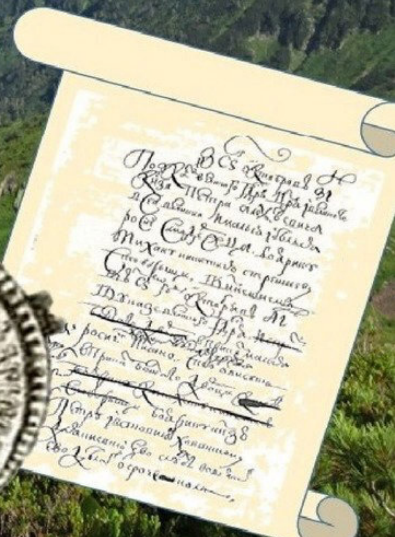

18+

МАРИНА ВАСИЛЕНКО

ТАЙНА ПРОКЛЯТОГО КАРАВАНА

Марина Василенко

Тайна проклятого каравана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72692494

ISBN 9785006834385

Аннотация

Вы думаете, история в скучных учебниках? Вы думаете, это то, что давно минуло и нас уже никоим боком не касается? Лёлька Зданевич, молодой сотрудник небольшого провинциального музея, с вами категорически не согласен! Уж он-то знает, как загадки прошлого хватают за горло и не дают дышать. И как давние легенды мистически материализуются в современном мире, заставляя продираться сквозь тернии лжи и жестокости, обдирая в кровь колени и душу. Чтобы обрести что? Истину... Память... Друзей... Самого себя...

Содержание

Пролог	5
Часть I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Тайна проклятого каравана

Марина Василенко

Персонажи романа, хотя и имеют своих реальных прототипов и в прошлом, и в настоящем, но, тем не менее, являются плодом авторского воображения. То же справедливо и в отношении описываемых событий. Да простят меня коллеги-историки...

© Марина Василенко, 2025

ISBN 978-5-0068-3438-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Люди шли друг за другом двумя нестройными шеренгами по высохшей, пожелтевшей, мертвой от зноя степи. Свирепое солнце безжалостно обжигало их голые спины и плечи, разрисованные замысловатыми символами. Лица были угрюмы и сосредоточены. Под смуглой кожей перекачивались литые мышцы.

С огромной осторожностью на растянутой шкуре какого-то чудовищного зверя они несли недвижимое тело пожилого мужчины в богатом облачении. Его отороченная мехом одежда была искусно расшита множеством блестящих мелочей. Грудь украшали затейливо переплетенные нити с наанизанными на них разного размера нефритовыми и бирюзовым бусинами, медными колечками, литыми бронзовыми бляшками. Округлые подвески и спиралевидные кольца были в ушах, охватывали шею и руки...

Следом вели под уздцы низкорослого коренастого коня в дорогой сбруе. Чеканили шаг вооруженные до зубов суровые воины. Шли женщины. Глиняные горшки в их руках источали запах свежеприготовленной еды. Тащили привязанную за веревку овцу, которая испуганно блеяла и упиралась.

Два здоровяка вели под руки длинноволосую молодую женщину с опухшим от слез бледным лицом. Она время от времени предпринимала слабые попытки высвободиться,

спотыкалась, повисала на руках своих стражей, и тогда ее тащили волоком, как и овцу.

Возглавлял печальную процессию приземистый жилистый старик со свалывшимися в колтуны грязными волосами и безумным взглядом бездонных черных глаз, лихорадочно блестевших на раскрашенном охрой морщинистом лице. На его меховой шапке устрашающе топорщились олени рога, на тощей шее болталось ожерелье из кабаньих клыков. Медвежья шкура на костлявом торсе была подвязана широким кожаным поясом, на котором позвякивали металлические побрякушки.

Он шел как будто вслепую, ощупывая дорогу своим тяжелым посохом, принюхиваясь и прислушиваясь, каким-то тайным чувством воспринимая лишь одному ему доступные знаки.

Степь сменилась пологими увалами сопок с выступающими кое-где из-под дерна красноватыми плитами скал, а люди всё шли, и казалось, этому шествию никогда уже не будет конца, как вдруг старик остановился и закрыл глаза. Ткнул посохом в землю возле кучи странных плоских камней, что-то пробормотал на непонятном языке. Неторопливо снял со спины большой кожаный мешок, вынул бубен и несколько раз слегка ударил в него. Спутники почтительно и в полном молчании расступились. Великий Шаман нашел. Нашел то священное место, где будет упокоен Большой Вождь, и дух его сможет покинуть ветхий телесный сосуд,

чтобы уйти в мир предков.

Шаман, подпрыгивая и подергиваясь, двинулся по кругу. Теперь он бил в бубен непрерывно, и звуки становились всё громче и громче. Нечленораздельное бормотание сменилось визгливыми завываниями – шаман пел, обращаясь к душе покойного и уговаривая ее отправиться в потусторонний мир. Дорога непроста и очень опасна, изобилует многочисленными врагами, которые того и ждут, чтобы перехватить и уничтожить ее. Но он, Великий Шаман, обещает быть надежным проводником, призовет на помощь «хороших» духов, умилюстит «плохих», обойдет все опасности и ловушки, и доставит доверившуюся ему душу в целостности и сохранности.

Душа никак не хотела покидать этот мир, всячески сопротивлялась и не поддавалась на уговоры. Шаман не сдавался. Теряя терпение, пытался приказывать и угрожать. Потом вдруг требовательные и жесткие выкрики прекращались, уступая место обращению вкрадчивому и льстивому. С ловкостью и неутомимостью юноши он безостановочно кружил в странном танце, кланяясь и приседая, судорожно мотая головой, пока не упал, обессилев, на выжженную солнцем траву. Дело было сделано: душа согласилась покинуть мир живых.

Родичам покойного понадобилось немало времени, чтобы выкопать обширную глубокую яму, спустить вниз и расставить вертикально вдоль ее стенок плоские камни так, чтобы их верхние края выступали над поверхностью земли. По-

лучилось какое-то подобие каменного ящика. В него со всеми возможными почестями было опущено тело Большого Вождя. Следом отправился верный конь, чью душу Шаман освободил одним точным движением острого кинжала, и целый арсенал оружия: короткий лук, кинжалы, мечи, боевой топор и боевой молот – всё то, без чего настоящий воин никак не сможет обойтись в загробной жизни. Там же оказались изящные резные вещицы из белого нефрита и мамонтовой кости, раковины каури, бронзовые, золотые, серебряные безделушки, фигурки людей и животных – привыкший к роскоши Большой Вождь ни в чем не должен нуждаться. Отдельно, в огороженном углу поместились массивные бронзовые котлы и чаши, деревянные и глиняные сосуды, горшки с едой, овца превратившаяся в гору мяса...

Вождь не будет в обиде на живых. Осталась самая малость – и его душа сможет отправиться в нелегкий путь...

Солнце садилось за дальнюю сопку, окрашивая происходящее кроваво-красным светом. Длинная рваная тень неотрывно следовала за исступленно метавшимся вокруг разверстой могилы Шаманом. Его хриплые вопли перекрывали не смолкавший ни на мгновение гулкий рев бубна, перемещались из стороны в сторону, доносились одновременно и с неба, и из-под земли. Это собирались к нему отовсюду духи-помощники, дабы сопроводить Большого Вождя в долину Вечной Жизни.

К краю ямы подвели длинноволосую женщину. На ее из-

мученном лице застыло выражение ужаса. Она уже не сопротивлялась и была похожа на тряпичную куклу, которая упадет, как только лишится поддержки. Ее отпустили и слегка подтолкнули в спину. Но вместо того, чтобы свалиться вниз, она вдруг качнулась совсем в другую сторону и кинулась бежать. Отчаянное желание жить придало силы. Она неслась по степи быстрее лани. Никто не кинулся вдогонку. Только один из воинов по знаку Шамана поднял лук и натянул тетиву. Стрела со свистом рассекла воздух. Беглянка как будто наткнулась на невидимую преграду, неловко взмахнула руками и осела на землю, скорчившись от боли.

Глупая женщина! Едва всё не испортила!

Ее притащили обратно и столкнули в яму. Не проронившая до сих пор ни единого стога, она с трудом перекатилась на колени, потом рывком выпрямилась, истекая кровью, и воздев руки к небу, закричала жутким срывающимся голосом. Люди содрогнулись от страшных проклятий. Невесть откуда набежавшие тучи поглотили последние багровые лучи заходящего солнца. Полыхнула молния, внезапный раскат грома разорвал небосвод надвое. Женщина замолчала на полуслове и лицом вниз упала на землю...

Часть I

Прошлое и его тени

Глобальные житейские перемены подкрались к Лёльке, как это водится, совершенно незаметно посреди невеселых размышлений о бренности бытия. Оказались они в облике непосредственной начальницы, впрочем, появление Любовь Михалны было как раз вполне закономерным и всегда ожидаемым, но от этого не становилось менее неприятным.

– Лёлик! – резкий окрик заставил вздрогнуть, выдвинутая с полки коробка брякнулась на ноги, по полу рассыпалась всякая мелочевка, – Какого ляда ты здесь копаешься? Господи!!! Опять! Ну сколько уже можно? Наградил Господь сотрудничками! Шел бы ты уже экскурсии что ли водить. Ну не место тебе в фондах! Понимаешь?

Переминаясь ушибленными ногами, он слушал возмущенную начальницу без особых обид, даже не пытаясь возразить. Ну, хоть косоруким не назвала. И на том спасибо.

– ... разлил на документы, сосуд для сакэ в ящик с орденами запихал – два года искали, статуэтку расколошматил, вирус в базу запустил – вся работа отдела псу под хвост... Господи-и-и-и-и... Я с ума с тобой сойду! Ты вчера в металле заявку выполнял? Во всех шкафах всё перевернул, кучей

вывалил, дверь не закрыл... Что мне с тобой делать, а?

Последний вопрос был задан таким жалобным тоном и с таким несчастным выражением лица, что молодому человеку стало даже жалко свирепую начальницу. Тоже жизнь у тетки не сахар. Только у всех свои проблемы: кому хлеб черствый, кому жемчуга мелкие... Вот и у него, у Лёлика... Почти четверть века уже прожил, пятый год в музее, а всё младшим научным... Мальчик на побегушках... Аспирантура заканчивается, диссер, по идее, уже надо защищать. Так ведь даже конь не валялся. А без ученой степени так и сидеть тебе, Олег Николаевич, в мэнэсах в фондовских подвалах и получать две копейки зарплаты да подзатыльники от начальства в качестве премии.

– ... полдня не был на работе. Сколько я могу прикрывать твое отсутствие? Если плохо себя чувствуешь – бери больничный и лечись. Мне падёж на рабочем месте не нужен...

Вот заноза! Напомнила. Действительно, плохо... Болезнь то накатывает, то отступает. С ней можно сосуществовать – привыкнуться, притерпеться, принять как объективную реальность. Просто уходить на дно, предощущая приступ, исчезать безо всяких объяснений и появляться потом без оправданий и извинений. Из-за этого он даже прослыл большим оригиналом среди женской части коллектива.

Хуже, когда захлестывает ощущение собственной никчемности и виноватости во всех мировых бедах. Вот уж тогда и начинается «что такое невезет и как с ним бороться»... Ну

да... Разлил кофе на бумаги этого чокнутого коллекционера, визжал он еще потом, как резаный... Ёжика живого оформил на основное хранение... Ну, перепутал бланки, с кем не бывает. Пришлось потом акты составлять о списании. Со- суд для сакэ?.. А-а-а... Ну да. Такая вазочка небоольшень- кая. А нефиг было десять заданий одновременно выдавать. Выставку они строили... Носились как чумные в последний день перед открытием... Вот и дверь вчера не закрыл. Хо- тя, стоп... А ведь закрывал... Выполнил заявку. Все номера оказались в одном шкафу – во втором слева. В другие даже не заглядывал. Сложил всё в одну коробку. Очень тяжело было тащить. Выволок из хранилища. Потом замкнул дверь. Совершенно точно – замкнул!!! И опечатал!!!

Лёлька озадаченно снял очки, покопался в карманах в по- исках платка.

– Лёля! Ты меня слышишь? Ау-у? Подавай иногда гудки, чтобы я знала, что ты здесь!.. Тебе позвонят, и все вопросы вы оговорите напрямую, потому что меня ты поймешь опять не так, как надо...

– Кто позвонит? – не найдя платка, Олег вернул очки на их законное место и сфокусировал взгляд на начальнице. Та об- реченно вздохнула.

– Повторяю еще раз для особо одаренных. Звонили с теле- видения. Им нужен интересный человек в утренний прямой эфир. Я дала твой номер. С тобой точно не соскучатся. Ад- министратор свяжется и объяснит, когда, чего, зачем и по-

чему. Придумай, чего-нить необычного. Ферштейн? И это... Если плохо себя чувствуешь, катись домой. Скажу, что с дарителями работаешь, – Любовь Михална развернулась и рванула к выходу, бормоча ругательства в адрес Лёльки, экспозиционеров, директора, министерства культуры и президента. И уже от двери донеслось: – Не вздумай им про ёжика рассказывать!..

Дверь захлопнулась. Воспитательный процесс, кажется, закончился. Дался им всем этот ёжик... Впрочем, за «интересного человека» можно и простить. Олег расплылся в улыбке, потом изобразил ногами какое-то странное па, потом подпрыгнул, вскинув вверх правую руку со сжатым кулаком «Но пасаран!». Под ногой что-то хрустнуло. Упс! Одной единицей хранения в фондах музея стало меньше.

Механически собирая с пола оставшиеся в живых рассыпанные шпилечки, заколочки, брошечки, он уже обдумывал, что будет рассказывать телевизионщикам. И как. И как при этом смотреть. Немного снисходительно. И улыбаться. Да, эдак с высоты своего научного опыта... Проснувшееся самолюбие приятно трепыхалось, расправляя пушистые крылья. Но одна тревожная мысль не давала покоя.

Закрыв хранилище, покрутив в руках связку ключей и немного поразмыслив, Лёлька двинулся не к лестнице, а в противоположный конец коридора. Вот и последняя дверь. Вчера он с таким трудом замыкал ее, пытаясь одной рукой удержать тяжеленную коробку. Он не мог забыть.

Определенно не мог... Так, вставляем ключ, подтягиваем на себя, два оборота направо, толкаем дверь ногой, одновременно перешагивая через порог. Темно. Душно... Левой рукой нащупываем выключатель. Вспыхивает свет.

Олег застыл на пороге, ошарашено оглядывая маленькую комнатку, сплошь заставленную металлическими шкафами. Все двери нараспашку. Когда-то аккуратно расставленные на полках предметы передвинуты и перемешаны, кое-где скинуты на пол. Раритеты буддийской коллекции свалены в одну кучу с чугунками и капканами. Перехватило дыхание. В мозгу пульсом билось «Это не я! Это не мог быть я!» И какая-то чужая и страшная сущность из глубины сознания ехидно отвечала: «А кто ж, родной, если не ты? Ты это! Ты! Ты во всем виноват!»

Вот теперь ему действительно плохо. Надо идти домой. Домой. Спрятаться ото всех. Может быть, еще и пронесет. Может быть, обойдется. Но сейчас – домой. Ну, на раз-два... Вышел, закрыл дверь, по лестнице, теперь в кабинет, повесил ключи, отметил в журнале, забрал ветровку и сумку с ноутбуком. Всем пока! Улыбка вышла совсем кривой, ну да ладно. Всё. На выход.

На улице весело шлепал дождь. Лёлик на секунду задержался на крыльце музея, подставив лицо теплым частым каплям. Потом, не торопясь, то останавливаясь, то меняя направление, двинулся в сторону пешеходного перехода, размышляя о своих скорбных делах и не замечая бегущих

по тротуару людей. Не глядя по сторонам, шагнул на зебру. Какая-то машина, взвизгнув тормозами, резко сманеврировала, и проскочив мимо, обдала его волной грязной воды. На заднем стекле красовался восклицательный знак в желтом квадрате и кокетливо улыбалась мультяшная очаровашка на фоне надписи «блондинка за рулем».

– ...!!! ...!!! Тупая... курица! Коза крашенная! Где права купила?..

...Идиот! Придурок! Судорожно вцепившись в руль мокрыми от пережитого страха ладошками, Марийка мысленно перекрестилась. Стоял ведь на тротуаре до последнего... Как будто специально ждал, чтобы шагнуть прямо под колеса. И именно ей, Марийке. Хорошо еще, что заметила издали, неладное заподозрила и скорость сбросила. Хотя, и так, не больше сорока шла. Страшно больше-то... Второй день самостоятельно за рулем.

Глянула в зеркало заднего вида: хорошо она его... качественно так... Недотепа! Раз-з-з-зява! Откуда только такие берутся? Недоволен... Возмущается... Скажи спасибо, родной, всё могло быть намного хуже. Для нас обоих.

Марийка несколько раз глубоко вдохнула, сосредотачиваясь на дороге, попыталась унять дрожь в коленках и нажала на педаль газа.

В студии оказалось нестерпимо жарко. Огромные прожектора слепили резким белым светом. Рубашка сразу же прилипла к спине, на лбу выступила испарина, перед глазами поплыли радужные круги, во рту пересохло, к горлу подступил комок. В ушах звенело, и звуки доносились, как сквозь толстый слой ваты. К тому же, сидеть на мягком низком диване было не очень удобно: коленки сразу оказались где-то возле ушей. Откинуться на спинку тоже не получалось – мешала коробочка, которую ему прицепили на пояс брюк, от нее под рубашкой шел тонкий проводок к воротнику, где зафиксировали крошечный микрофончик. Все это ужасно стесняло... Никак не давали расслабиться и нацеленные на него несколько камер на высоких треногах.

Двое ведущих, похоже, наоборот чувствовали себя абсолютно непринужденно. Блондинка сидела на том же диване, изящно выпрямив спину и грациозно скрестив длинные ножки, и цепким внимательным взглядом рассматривала гостя. К ее огромному удивлению им оказался тот чудик, что чуть было не угодил под машину. Ну это ж надо! Из 800 тысяч жителей Города Анька умудрилась пригласить именно этого... Катастрофа ходячая. Уже успел облиться кофе, опрокинуть стул, рассыпать бумаги, снести с ног шефа, запутаться в проводах... Нет, ну это ж надо было! Надо ж было Аньке именно его сюда позвать! Типичный ботаник и мямля. Только бы заикаться не начал.

Дойдя до мысли «Ой, веселуха ща начнется. Господи, ну в чем я так сильно согрешила? За что мне?», Марийка обреченно вздохнула.

Усатый плотный дядька с кислой физиономией чуть поодаль взгромоздился на высокий табурет. Откуда-то из темноты выскочила кругленькая невысокая девушка – администратор по гостям – промокнула салфеткой Лёлькин вспотевший лоб и скороговоркой повторила уже выданные Марийкой инструкции: в камеру не смотреть, смотреть на того ведущего, с которым разговариваешь, слушать вопросы и когда скажут закругляться, закругляться сразу же.

– После рекламы начинаем! – загремело откуда-то сверху, – Минутная готовность. Анна! Поправь гостю микрофон! Хорошо! Свободна! Мария, не сиди букой! Улыбаемся! Поехали!

– С вами программа «Утро доброе»! И мы – ведущие Виктор и Мария... – заученно начал дядька, достаточно правдоподобно изобразив на лице выражение безграничного счастья – А поговорить мы сегодня предлагаем о таинственном и загадочном...

– В гостях в нашей студии, – подхватила Марийка, – очень интересный человек, который профессионально занимается разгадыванием тайн прошлого. Олег Николаевич, в жизни полно загадок, Вы согласны со мной?

– Вы абсолютно правы, – Лёлик вдруг почувствовал себя легко и свободно. – Только мы предпочитаем их не замечать.

Жить, знаете ли, как-то спокойнее...

– Не будите спящую собаку?

– Вот-вот! Иногда лучше, чтобы тайна так и осталась тайной.

– А какая последняя тайна в Вашей личной коллекции?

– Ну, надеюсь, не последняя, – Олег улыбнулся. – Будут и другие... Вы что-нибудь слышали о Проклятом караване?

Марийка пожала плечами, Виктор встрепенулся:

– Это который исчез где-то в горах? Э-э-э-э... Сто лет назад?

– Он самый. Только не сто, а уже больше двухсот. Купеческий караван шел из Заозёрья с пограничного торгового пункта. Дело привычное: везли чай, ткани, бумагу, фарфор, пряности, предметы роскоши. Необычно было то, что с этим же караваном были отправлены в Губернский Город несколько десятков пудов казенного серебра с Энских заводов. Последний большой привал был на пограничной заставе. Потом караван прошел через несколько почтовых станций. И исчез...

– Но подождите... Почтовые станции располагались друг от друга на расстоянии дневного перехода. Значит, и место исчезновения можно установить достаточно точно?

– Если б в реальности все было так, тогда да... «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги...» На самом деле, как бы власти ни старались устроить вдоль тракта почтовые станции, результатов особых не было. Никто не хотел добровольно переселяться к черту на кулички. Ведь поч-

товая станция – это автономное хозяйство на полном самообеспечении. Смотритель должен был содержать лошадей, поддерживать в исправном состоянии постоянный двор, хозяйственные постройки, саму дорогу, обеспечивать пропитанием проезжающих... Периодически пытались расселять на высокогорных участках тракта отставных солдат, они оттуда с такой же периодичностью бежали. В общем, искать пропавший караван тогда было абсолютно нереально. Разве может горстка казаков и солдат, даже с помощью местных охотников, прочесать сотни квадратных километров тайги, обследовать десятки перевалов и ущелий? Следственную комиссию, конечно, создали. Но ее работа свелась, в основном, к составлению всяческих бумаг. Были допрошены кое-какие люди: причастные, а по большей части непричастные к делу, – разосланы запросы в различные инстанции, все бумаги аккуратно подшиты и через какое-то время отправлены в архив...

– Вы хотите сказать, что следственное дело сохранилось до наших дней?

– Да, – Олег кивнул и одновременно развел руками. – Хотя уже сам этот факт вызывает удивление: Большой пожар в конце XIX века уничтожил практически весь губернский архив.

– А почему «проклятый»? – вклинилась в разговор Марийка.

– Ну, про Летучего Голландца, Вы, наверное, слыша-

ли... – Марийка кивнула. – Так вот тут примерно то же самое. Никаких материальных останков так и не нашли, но в районе перевала Чертова Скала путники время от времени стали слышать ржание лошадей, голоса людей, видеть отблески костров и даже запах дыма ощущали, – Олег помолчал, потом округлил глаза и, трагически понизив голос, добавил: – Там до сих пор туристов пугает призрак в истлевшем камзоле и простреленной треуголке...

Марийка ойкнула и тут же рассмеялась, устыдившись своей доверчивости:

– Ну это вы уже сказки рассказываете!

– Ничуть... Привидение в камзоле – это, конечно, туристский фольклор. Но свидетельские показания о происходившей там чертовщине документально зафиксированы... И вот еще что... В фондах нашего музея хранится некий предмет, переданный нам в начале XX века одним купцом, чьи предки спокон веку занимались китайской торговлей. По легенде, эта вещь – из того каравана... – Лёлик, неудобно изогнувшись, вытащил из кармана джинсов серый крафтовый пакет и вытряхнул из него на ладонь тяжелый потемневший от времени медальон с обрывком цепи, сплошь покрытый какими-то непонятными знаками...

В неровном свете свечей лежащий на ладони змеевик¹

¹ Медальон-оберег

тускло блеснул. От лихих людей, и от лютого зверья, и от морских зело великих страстей, и от мыслей тяжких берёг он своего хозяина. Теперь вот новая напасть... Привычно перебирая пальцами массивный гайтан², берггешворен³ молчаливо спрашивал... нет не совета, и не ответа на мучившие его вопросы. Одобрения и поддержки ждал... Решение уже было принято. Правильное или нет – Господь рассудит. Но в сложившихся обстоятельствах единственно возможное... Грузно поднялся со скамьи, сделал несколько шагов туда-сюда по тесной горнице, оттягивая важный разговор, остановился у крохотного оконца, наблюдая, как по слюдяным пластинкам, едва пропускавшим белесо-серый утренний свет, стекают мелкие дождевые капли. Не полетнему студеному дождю моросил уже который день, еще более усугубляя душевное смятение. Зябко передернув могучими плечами, обернулся к сидящему за столом человеку в офицерском мундире:

– Велел бы ты што ли, ваше высокородие, печи истопить.

Впору доху⁴ надевать...

– Да будет тебе ереститься⁵, Михайло Афонасич, – отмах-

² Плоская цепочка

³ Горный чин XII класса соответствовал в середине XVIII века пехотному поручику

⁴ шуба

⁵ Ворчать, потихоньку браниться (сиб.)

нулся тот. – Не о том гребтится⁶. По делу говори.

– Э-э-э-э... – мелькнула и утонула в широкой бороде одобрительная улыбка. – Совсем осибирячился, Василь Иванович? А по делу... – берггешворен сжал в кулаке змеевик. – Снаряжай караван, вашскородие...

Его высокородие Василий Иванович Суров, пехотный бригадир, волею своей служилой судьбы оказавшийся начальником Энских сереброплавильных заводов, получил практически неограниченную власть над одним из самых отдаленных краев империи, был волен награждать, наказывать и миловать, производить в чины, он не подчинялся местному губернатору и был подотчетен одному только Сенату. До бога высоко, до царя далеко. Он и был здесь и царем, и богом. Вершил судьбы и насаждал справедливость в меру своего разумения. Уже в первые годы службы в Заозёрье самым решительным образом пресек произвол чиновников, завел штатные должности лекаря и аптекаря, взял под свое покровительство толковых рудознатцев и горных мастеров, построил новые большие заводы и способствовал поиску руд.

Выплавка серебра возросла в разы. Расположенный у чёрта на куличках Заозёрский Энский горный округ стал одним из крупнейших в России, поставляя ежегодно в государеву казну сотни пудов серебра высочайшей пробы.

Одно только было неподвластно всемогущему бригадиру – дикие сибирские просторы с их бездорожьем и необуз-

⁶ Сердце вешует, беспокоится (сиб.)

данными стихиями.

Энские заводы находились на самой границе империи, отгороженные от большого мира суровым и бездонным Великим Озером. Местные мореходы, преисполненные священного ужаса, по нему не плавали и не ходили. По нему, «попрося у бога милости, перебежали за способным ветром». Никто не пускался в путь, не имея на борту хотя бы двухнедельного запаса провианта на случай полного штиля. Точно также никто не был застрахован от ураганных ветров: ни плоскодонные купеческие дощаники, более похожие на плавающие утюги, ни стройные и изящные казенные галиоты, построенные по последнему слову судостроительной науки. Ни одна навигация не обходилась без потерь.

– «Козьма Святоградец» третьего лета выброшен на берег, да так, что и починить неуповательно. Далё «Борис и Глеб» пришёл в негодность – просто развалился от старости. В прошлом годе «Адриана и Наталью» сорвало с якорей и разбило и скалы, – Суров, болезненно сморщившись, потер пальцами левый висок. – И вот нынче... Казенный бот с хлебным провиантом и боеприпасами затонул в виду берега, да тот купеческий дощаник, что в казну выкуплен, разбился. А купца Игумнова судно хоть и с пробитым днищем, но с божией помощью причалило, токмо по осмотру оказалось, шпангоуты переломаны и киль надломлен, и, по мнению служителей, к плаванью впредь не годится... Как изурочил⁷ кто,

⁷ сглазил

порчу навел... – Бригадир потрянул промеморией⁸, полученной с нарочным нынешней ночью, помолчал. – А не опасно? Сухопутьем-то? Не фунт чаю ведь повезем. Слышал я про вашу дорогу...

Берггешворен усмехнулся:

– Да уж, дорога... По воде не получится – не на чем. Морестав⁹ не раньше половины декабря – ждать полгода, пока зимник наладится, нам не с руки. А насчет того, что опасно... Так не опаснее, чем водою. Снаряжать караван надо, ваше высокородие, другого выхода нет...

Всего только одна сухопутная дорога длиной более семисот верст связывала Заозёрье с Губернским Городом и через него с Большой Землёй. Поддерживать ее в рабочем состоянии было крайне трудно, ибо непростой рельеф и непредсказуемый климат чрезвычайно осложнялись слабой населенностью местности. И если по степям и лесам Заозёрья для перевозки тяжелых грузов можно было, по крайней мере, использовать подводы, то после того, как в районе последней пограничной заставы дорога сворачивала к северу и резко уходила вверх, в труднодоступные Приозёрские горы, она превращалась во выючную тропу. Проходившая через головокружительной высоты перевалы и глубокие ущелья с крутыми склонами, через студеные ревущие реки, веч-

⁸ Вид официальных документов, которыми могли обмениваться учреждения, не связанные соподчиненностью

⁹ Замерзание поверхности водоема

ную мерзлоту ледников, каменные осыпи и топи высокогорных болот, она мало годилась для передвижения караванов и использовалась крайне редко, в основном в межсезонье, когда невозможны были ни навигация, ни зимний путь по льду Озера. Либо же в случае крайней нужды. Такой, как сейчас.

Особо ценный груз, представлявший государев интерес, каковым и являлось серебро Заозёрских заводов, конечно, надлежало перевозить с максимально возможной скоростью, безо всяких задержек и остановок в пути, дабы обеспечить безопасность. Но, несмотря на все поспешности, скорость гужевых караванов даже по хорошей дороге вряд ли могла превысить 100 верст в сутки. А в хребтах Заозёрских гор и вовсе получалось за сутки верст 20—30 – сколько может преодолеть пеший человек на пределе своих возможностей.

– ...У нас нонче почитай полтыщи пудов с лишком выплавлено. Своими силами навряд ли справимся. Объявить надо, не сыщется ли желающих взять подряд на доставку. А для охраны казаков приставить поболее. И вот еще что: с приграничного торгового купчины товары повезут в Губернский Город – составим с ними кумпанейство. Чем больше народу соберется...

За дверью слышались быстрые шаги и торопливые, срывающиеся на крик голоса. Берггешворен осекся, вопросительно глянув на бригадира Сурова. Тот бросил, наконец, злополучную промеморию в кучу остальных бумаг на сто-

ле и раздраженно обернулся. В покое стремительно ворвался вестовой, с епанчи¹⁰ его ручейками стекала вода, сапоги оставляли на полу грязные следы.

– Вашескородие! – скороговоркой начал он, одной рукой срывая с головы промокшую шляпу, а другой вытаскивая из-за пазухи такой же промокший бумажный пакет. – Срочное донесение от обер-бергмейстера Лодыгина! Беда у нас, вашескородие! Колодники бежали!

– Будет те гаркать¹¹, варнак¹²! Чай не впервой бегут, – Суров опять поморщился, потом насторожился. – Лодыгин? Это Чарский завод? Дай бумагу! – Торопливо сломав печати и развернув пакет, погрузился в чтение, всё более и более мрачней.

Писал Лодыгин, что де опасный секретный арестант обще с двумя другими, что с ним в одном каземате заключены были, отодрав доску у казенки¹³ и, отперев гвоздем замки на стенной цепи и кандалах, бежали. Что де еще до побега уверял показанный арестант, что указ о Петре III, императоре, якобы он умре, писан ложно, а он де действительно Петр III, император, о чем многих людей склонял и приводил в свою волю. Почему и тамошняя Чарская контора при-

¹⁰ Форменный армейский плащ с капюшоном и без рукавов, наподобие современной плащ-палатки.

¹¹ Кричать, вскрикивать

¹² Наказанный, клейменный преступник

¹³ Чулан

ступить к производству сего дела смелости не имеет и просит де он, Лодыгин, дабы для поимки означенного арестанта посланы были во все Энские команды строгие приказы с предписанием о возможно скорых розысках...

– Точно вам говорю: в деревню идти надобно. Кум у меня там живет. На дорогу хлеба да одёжу добру справит, да тропами звериными выведет стороною казачьих разъездов к тунгусам, – тощий оборванный бродяга растянулся на траве, блаженно щурясь от проглянувшего сквозь марево¹⁴ неяркого и нежаркого солнышка. Припасенные когда-то неизвестными беглецами в балагане¹⁵ сухари оказались как нельзя кстати. Вместе с сытостью пришел покой и уверенность в благополучном исходе всего этого дерзкого предприятия. – Князь их по обещанью своему нас не выдаст. А там уж кумекайте: в Расею ли ворочаться, куда кому случай допустит, в Китайское ли государство податься, воля ваша...

Двое товарищей его, таких же изможденных и болезных всё еще жевали прогорклые, заплесневелые сухари, запивая ледяной ключевой водой, и вяло отмахивались от надоедливого гнуса.

– Господь с тобой, батюшка! – густым басом отозвался один, который постарше. – Пошто нам к бусурманам в Ки-

¹⁴ Туман

¹⁵ Шалаш

тай-то идти? Душу христианскую губить...

– Дошлый¹⁶ ты, аднака... – перебил его второй. – А и в Ра-сею как? Сгинешь по дороге. Брат мой сродный говорил, ежели бежать, то на Килгу – на звериный, або рыбный промысел. Там де хоть до смерти жить можно... А то разве поскитаться по тайге, пока тепло и харчей лесных – ягод да грибов – в достатке, а там и обратно на рудник. С каторги ходу нету. Жизнь такая наша. Каторжная...

– Соберет князь команды своей тунгусов, – не особо слушая собеседников, продолжал первый, – и что я буду повелевать, туда и повезет. Я же как есть подлинный император, аще с божией помощью освобожусь, подданных своих ничем не оставлю и покажу милость: освобожу от заводских работ и чем ни есть награжу...

– Поместье у меня большое, заведение знатное: деревня в семи кирпичах построена, рогатого скота петух да курица, – ехидно засмеялся тот, который помоложе, – а медной посуды крест да пуговица. Жил я в богатстве, пиво варил да к китайской Пасхе. Аж семь дней. Да наварил сорок бочек жижи да жижи, а сорок бочек воды да воды. Хлеба разного пошло семь зерен ячменю да три ростка солоду, а хмель позади избы рос. Проголодался я, добрый молодец, и сви-нья по двору ходит такая жирная, что идет, а кости стучат как в мешке. Хотел я отрезать от нее жиру кусок, да ножика

¹⁶ Пройдоха, проныра

не нашел, так и спать лег¹⁷...

Тот, который называл себя императором, попытался было остановить поток бестолковщины, но потом махнул рукой и полез в тесный балаган. Старший бродяга укоризненно глянул на молодого рассказчика.

– Ахти-и-и-и... – фыркнул тот, – да эт еще не сказка, а присказка, сказка-то вся впереди. Дали мне кафтан, я надел, иду путем-дорогою, а ворона летит да кричит: синь да хорош, а я думал: скинь да положь. Скинул, положил под кустик, пришел назавтра, только место знать, а кафтана нет и не видать...

Такие нескладушки-неладушки могли тянуться бесконечно, пока хватало терпения у слушателей, а уж сказителю фантазии было не занимать: прибаутки и приговорки никогда не повторялись, и сюжеты каждый раз были разными. Но разглагольствования эти были делом столь же привычным, как и вездесущая мошकारа, и слушатели быстро задремали. Заметив это, молодой бродяга замолчал, некоторое время подумал, заглянул в балаган – спит. Потом, не особо церемонясь, двинул острым локтем под ребра своего соседа. Тот сдавленно ойкнул.

– Ш-ш-ш-ш-ш... – толкнул его еще раз, помягче. – Скажи-ка мне, отец, кто он таков человек бывал? – кивок в сторону спящего. – Доподлинно ль император? Чудно всё то,

¹⁷ Отсылка к «Запискам и замечаниям о Сибири» Екатерины Авдеевой-Полевой, изданных в книге «Записки иркутских жителей» в Иркутске в 1990 году.

сумнительно...

Старый бродяга зевнул, потянулся, потер ушибленный бок, запустил грязную пятерню в клокастую бороду...

– Дык хто б знал... Баят, распоп¹⁸ Евдоким признал его за государя. Да из ссылочных один, Трофим, кажись, сказывал, дескать в бытность ево во услужении у грузинского царевича, который де тогда в Москве жил, видал Петра Феодоровича. Да Кузьма-приписной¹⁹, что на Большом Заводе при печи руду плавит, уверял, что видел государя в Питербурхе, в Тайной канцелярии²⁰, и что наш... – опять кивок в сторону спящего, – на лицо таков же, как и император.

– Чудны дела твои, Господи... – вздохнул молодой, – как же он попал-то сюды?

– В Воронежской губернии, грят, бывши в обличьи солдата для осмотра тамошних полков, был пойман и послан в каторгу, не поверя, што он великой человек. А я так чаю, – бродяга понизил голос, – не иначе как по приказу императрицы²¹ в каторгу-то его... Дюже мешал ейным боярам – хрестьян хотел избавить от ига барского. Многие у нас к нему

¹⁸ Распоп – расстриженный, т.е. лишенный сана священник

¹⁹ Приписные – экономические, государственные или дворцовые крестьяне, приписанные, т.е. прикрепленные (на положении крепостных) навечно к заводу или фабрике, с целью обеспечить промышленные предприятия дешевой и постоянной рабочей силой

²⁰ Тайная канцелярия – государственный орган политического сыска и суда в России XVIII века

²¹ Речь идет о супруге Петра III Федоровича Екатерине II

приходили. Из заводских служителей, да из хрестьян, да из казаков. Князья тунгусские и взаправду приезжали – братья Алексей да Степан. Подношения ему оставляли – и деньгами, и провлянтом. Приказывали, какая ему нужда в пропитании и оде́же будет, присылал бы к ним нарочных, с которыми де оне и будут присылать к нему всё потребное для него... Адъютант его высокородия приходил, оставлял три двоегривеника милостины...

Опять спряталось солнце, заморосил дождь. Похолодало. Беглые каторжники, прижавшись друг к другу, и прикрывшись одной на двоих драной дерюгой, найденной давеча на заброшенной заимке, вели свой неспешный разговор, вспоминая всё новые удивительные случаи, связанные со столь высокой, страшно сказать, царственной персоной. Персона же спала в тесном шалаше под дырявой наспех сооруженной крышей из травы и веток, свернувшись от холода калачиком, постанывая и всхлипывая... Наконец, когда совсем завечерело, его без особого пиетета подергали за ногу:

– Вставай, ваше величество! Пора идти к твоему куму. Дорогу-то знаешь? Хотя, откуда...

Спящий вяло отмахнулся, нехотя возвращаясь из сладких сновидений в жестокое бытие. Там, за гранью реальности осталась родная Слобожанщина²². Светлые леса и жирный чернозем пашен, благоуханные сады, широкие степи, щедрые пасеки. Там стояли в ряд чистенькие маленькие

²² Слободская Украина – территории на северо-востоке современной Украины.

хатки-мазанки с соломенными крышами. Там размахивали крыльями ветряные мельницы, и кланялся длинной шеей журавель над колодцем. А главное – солнце! Благодатное, животворящее, родное...

Усилием воли открыл глаза. Черный страшный лес качает макушками сосен. К лазу в балаган подступает злая, полная опасностей темнота. Шепчет, подвывает, запугивает. Остаться в ней одному – смерти подобно, и тот, который называл себя императором, поспешно выбрался наружу. Двое других уже ждали, готовые тронуться в путь. Мелкий морозящий дождь шуршал листьями, и рваная насквозь мокрая каторжная одежка совсем не спасала от его леденящих объятий.

Перекинувшись парой фраз, двинулись, едва разбирая тропу, путаясь ногами в высокой траве, спотыкаясь о кочки и корни деревьев, оскальзывая на раскисшей глине дыроватыми ичигами. Уставшие, голодные, заочневшие люди, движимые одним только безнадежным отчаянием.

– Побег с каторги были делом обыденным и привычным, – Лёлька оседлал любимого конька, и теперь остановить его было совершенно невозможно. Тем более, что слушатели внимали ему благоговейно, что называется, раскрыв рот. – В беглых числились даже не десятки – сотни человек. И количество их стремительно увеличивалось с наступлением теплых весенних дней. Не довольствуясь одним только

подножным кормом, они добывали пропитание грабежами и разбоями вплоть до наступления осенних заморозков, после чего давали себя поймать и водворялись обратно на каторжные работы. А на вопрос, зачем было бежать, всё равно ведь поймают, отвечали: «Дык, вашбродь, енерал Кукушкин позвал». Был и иной вариант: сами приходили сдаваться на другой, отдаленный от прежнего, рудник, сказываясь Непомнящими родства да Бесфамильными и под этими прозваниями продолжали свою каторжную жизнь. Ровно до весенней оттепели, когда опять беспокойный «генерал Кукушкин» сманивал на волю, и волна побегов вновь захлестывала каторжное Заозёрье.

Бежали, как правило, огулом – компанией из нескольких человек, предварительно позаботившись о запасе провианта и теплой одежды, связав караульных и прихватив с собой ружья и порох. Тогда поимка их редко обходилась без перестрелки с убитыми и ранеными с обеих сторон.

Некоторая часть беглецов исхитрялась-таки покинуть суровое Заозёрье. По рекам доходили до самого Озера и пытались переплыть его на краденых рыбацких дощаниках. Иногда – успешно, а чаще – находили свое последнее пристанище в бездонных глубинах.

Другой варнацкий путь вел по горам вокруг Великого Озера, и был при этом не менее опасным и непредсказуемым. «Худенький беглый лучше доброй козы» – говорили местные туземцы, прицеливаясь из кремнёвки или натяги-

вая тетиву лука.

Отношение местных жителей к каторжникам вообще было неоднозначным. Одно дело, когда они в кандалах и под крепким караулом. Таких называют несчастенькими, жалостливые городские барышни подают им милостыню, восхищаясь собственным великодушием и вытирая кружевными платочками слёзы умиления. Другое дело – каторжник беглый. Это хищный зверь, голодный и опасный. Его бояться и ненавидят. В глухих селениях крестьяне выставляли на ночь на крыльцо какую-никакую провизию: кринку молока, краюху хлеба. Но не столько из жалости, сколько в надежде умиловить незваных ночных гостей. Не считалась зазорной и охота на горбачей – так называли бродяг с котомками на спинах. «С козули снимешь одну шкуру, а с беглого две или три – полушубок, азам²³ и рубаху», да и содержимым котомки поживиться не брезговали.

Вот и получалось, что до Большой Земли добирались очень немногие. Но такие были. Случалось, их отлавливали в окрестностях Губернского Города, где они занимались делом для них привычным – грабежом и разбоем – и дальше по Московскому тракту. После примерного наказания «оборотни» отсылались – «оборачивались» – назад в Энские заводы в вечную каторгу, откуда при первой же возможности снова бежали...

²³ Полушубок – верхняя короткополая одежда из ткани, азам – разновидность верхней мужской одежды (уст. сиб.)

– Всё-таки беглые каторжники? – подвел итог Виктор.

Лёлик пожал плечами:

– На мой взгляд, это единственно логичное объяснение.

История, конечно, мистическая, но мы ведь с вами рационалисты...

– Ой, мальчики, а ведь где-то в горах до сих пор лежат несметные сокровища! – Марийкины глаза загорелись в предвкушении необычайного приключения.

– Тебе бы только куда-нибудь вляпаться!

– Ну-у-у-у-у... Олег, не слушайте его! Он скучный прагматик.

Время эфира давно закончилось, все трое вышли из студии, уже раз пять попрощались, но никак не могли закончить захвативший их разговор. И только когда пухленькая Анечка привела следующего гостя, торопливо обменялись визитками и разошлись.

Лёлька включил телефон и вприпрыжку побежал вниз по лестнице. Тут же посыпались пропущенные вызовы. Ого! Пять звонков за раз!!! Вот она – слава!!! Шесть... Семь... Девять... Еще два... Еще... О-ё... Пожалуй, тут что-то другое. Так, четыре от Любовь Михалны, два с незнакомого номера, три от зама по науке, восемь от директора. Не иначе случилось чего... Вот и эсэмэсок куча. «Лёлик перезвони», «Лёлик срочно позвони», «Позвони, как освободишься», «Лёля ты где?», «У нас ЧП, срочно приезжай». И прямой крик души «ТЫ ГДЕЕЕЕЕ?????»

Да здесь он, здесь... Бегом спустился до первого этажа, там запутался в стеклянных дверях и, найдя, наконец, нужную, понесся по коридору, соображая кому первому позвонить, чтобы огрести поменьше оплеух. Под неодобрительным взглядом охранника проскочил турникет и только на крыльце вспомнил про оставленную куртку. Пришлось вернуться... Набрал номер. Телефон сразу же разразился взволнованной скороговоркой:

– Ой, Лёличек! У нас такое! Такое!.. Жуть кошмарная! Тебя все ищут! Приезжай скорей! У нас... Ой, боже ж ты мой... Лёличек, ты в порядке?

Мн-да... идея позвонить старенькой Людмиле Петровне была не самой лучшей. Бессмысленные причитания сыпались, как горох из дырявого мешка, и понять можно было только одно: случилось что-то ну о-о-о-очень плохое. Собрался уже отключиться и вдруг услышал растерянное:

– Лёличек, у нас чертовщина какая-то... Похоже, ограбление...

– Итак, Олег Николаевич, Вы утверждаете, что никаких ценностей не пропало?

– Из тех материалов, с которыми работал лично я, ничего. Понадобилось полдня, чтобы царившему в кабинете хаосу придать хоть какую-то видимость упорядоченности. И теперь Лёлик, Людмила Петровна и практикантка Оленька,

сверяясь с документами, озадаченно перебирали разложенный по коробкам хлам.

– У нас тоже всё на месте, – отчиталась за двоих Людмила Петровна. Оленька кивнула.

– Техника? – не унимался дотошный следователь.

Олег отрицательно покачал головой: компьютеры, принтеры, дорогостоящие профессиональные сканеры, фотоаппараты, – всё оставалось на своих местах.

– Что хранилось в сейфе?

– Последнее время ничего. Обычно мы держим в нем предметы, которые имеют большую материальную ценность. Ну, вот, когда что-то покупаем у коллекционеров. Это занимает всегда много времени. Пока согласуем с администрацией цену, пока оформим документы, пока деньги перечислят. Бывает, на последнем этапе казначейство заворачивает платежки, и начинается всё сначала. Потом еще нужно время, чтобы оформить на хранение. И только после всего этого предмет отправляется в хранилище. Еще если на временное хранение принимаем. До выставки, пока витрины не замонтированы, ценные вещи в нашем сейфе лежат. И после того, как выставку закроют, пока хозяин не заберет... Ну еще бывает, если сотрудники что-то ценное приносят из хранилища для работы. Насколько я знаю, уже несколько недель сейф стоит пустым, – Олег перевел дух, Людмила Петровна и Оленька согласно закивали головами – да, так всё и есть, пустым...

– Документы? – не отставал человек в погонах.

– Все папки с фондовой документацией на месте.

Из них ничего не изъято – мы проверили, – отчиталась Оленька.

– Тогда что?

Вопрос повис в воздухе.

– Ваши личные вещи?

Оленька ткнула пальчиком в сваленную на одном из столов гору из косметики и дамских романов. Людмила Петровна по очереди выдвинула ящики своего стола. Один оказался набит лекарствами, во втором хранилась подшивка «Вестника ЗОЖ» и молоток. В столе Лёлика обнаружился засохший бутерброд, наушники, один шерстяной носок, какой-то непонятный мусор и чашка, в которой помимо десятка использованных чайных пакетиков плавали островки плесени.

– Папка с бумагами... Записные книжки... Диски... Флешки... Я их не нашел. Вроде бы, были... Наверное...

– Так, наверное? Или все-таки были?

– Я... Я не помню. Может быть, домой унес... – предположение, что целью неизвестных грабителей были его, рядового младшего научного, записи, показалось настолько абсурдным, что Лёлик ухватился за первое более-менее разумное объяснение.

– Что за бумаги? Финансовые документы? Номера счетов? Пин-коды?

Лёлька хихикнул:

– Аха. Явки. Пароли... А я – сын подпольного миллионера. Или не: агент иностранной разведки. Во! – хотел добавить еще чего-нибудь ядовитого, но осекся, поймав замученный взгляд немолодого капитана. – Черновики, заметки к статьям, выписки, ксерокопии архивных документов, каталожные карточки... Всё. Ну, еще адреса, телефоны, имейлы – контакты, в общем, разные...

– Кому оно могло понадобиться?

– Никому. О том и речь.

Капитан задумчиво побарабанил пальцами по столешнице.

– Значит, вопрос «зачем» остается открытым. Может тогда кто-нибудь прояснит вопрос «как»? Как злоумышленники смогли проникнуть в кабинет?

– Ключи на вахте. Сторож спит в своей каморке в другом крыле здания. Сигнализация не работает. Так что, очень просто.

– Почему не работает? Давно?

– Да уж с месяц, наверное... А почему... Кто ж ее знает. Сломалась... Вообще, это к директору надо...

– Ой, мальчишки-девочки, – вострепелась Людмила Петровна, – уже больше месяца. Больше. Помните? Помните, да? Ну, когда у нас льва украли? Прямо из витрины! С выставки! Сигнализация не сработала. Вот с тех пор и не работает!

– Льва?

– Ну, фигурка такая, – пояснил Лёлик. – Статуэтка. Собачка Фу.

– Так лев или собака? – запутался капитан.

– Лев!

– Собака! – оба ответа прозвучали почти одновременно.

– Вообще-то, лев, – согласился Лёлик. – Только это не лев, а собака. Хотя, на самом деле, лев... Ну, как бы объяснить... Вы же знаете, что буддизм к нам пришел из Китая, в Китай – из Тибета, в Тибет – из Индии. А там львы считались священными животными, небесными охранниками Будды...

Капитан прикрыл глаза, подавив в себе горячее желание пристукнуть и этого зануду-очкарика, и заполошную старушку. Лёлька тем временем продолжал:

– В Китае же львов никогда не водилось. Поэтому там их стали называть собаками. Имя Будды произносилось как «Фо», потом трансформировалось в «Фу». Так и получилось, что изображается лев, а считается, что собака. Священная собака Будды...

– Тогда тревожной кнопкой охранное агентство вызвали. Ребята приехали, а этот... ну, вор, в общем, в туалете закрылся, – воспользовавшись паузой, затараторила Людмила Петровна. – Они пока дверь выломали, он уже через окно убежал. Они и милицию вызывали сами. Вроде бы поймали его потом. Только льва так и не нашли.

– Значит, месяц назад...

– Больше месяца!

– ...больше месяца назад из музея были похищены ценности. Я так полагаю, ваш этот лев, который собака, имеет немалую материальную ценность?

– Ну да. Как любой антиквариат, несмотря на то, что из какого-то самого простого сплава сделан. Да еще по фен-шую считается мощным защитным талисманом и...

– Фен-шуёвые заморочки мы пока обсуждать не станем... Сегодня опять у вас что-то искали...

Лёлькино сердце ёкнуло и подпрыгнуло прямо к горлу. В висках застучало. Он помедлил, но потом все-таки решился:

– Не только сегодня. Позавчера – нет, третьего дня – тоже. В хранилище металла. Что-то искали...

– И вы все даже предположить не можете, кто?

– Начальство считает, что я, – обреченно признался Лёлик.

– Ой, знаете, он у нас такой рассеянный, такой неорганизованный... – попыталась вклиниться Людмила Петровна, но капитан, не отрывая тяжелого взгляда от молодого человека, жестом велел ей остановиться.

– А это не так?

Лёлик отрицательно помотал головой:

– Это не я.

– Лёличек – мальчик болезненный. Бабушка его, моя давняя приятельница, так за него беспокоится, так беспокоится, просила приглядывать... – тархтела старушка. Оленька

заинтересованно слушала.

– Ну да кто ж еще-то? – это уже Любовь Михална материализовалась. Стояла в дверном проеме, привалившись к косяку, с видом грозного судьи, И когда только успела подкрасться... – Окромя вреда, никакой от него пользы! Раздолбай!

Капитан устало потер лицо руками.

– Милые дамы, вы бы не могли заняться какими-нибудь другими своими делами? Если мне понадобятся ваши комментарии, я приглашу...

Любовь Михална фыркнула, Людмила Петровна обижено поджала губы, Оленька дернула плечами, и все трое вышли в коридор. Лёлька мысленно поаплодировал: ай, служилый, ай, молодец, хорошо послал!

– Так, сынок... А теперь рассказывай всё по порядку. И начни с того, где ты был сегодня ночью?

– Това-а-а-арищ капитан! Я, конечно, раздолбай. И провалы в памяти у меня случаются. Но чтоб такое сотворить... Это ж надо быть совсем ку-ку-с... – покрутил пальцем у виска. – Ну ладно-ладно... Дома был. То есть не совсем дома. Я с родителями живу в пригороде. Но часто у Изольды остаюсь. Вот и вчера тоже. И позавчера...

– Подружка? – понимающая улыбка никак не вязалась с жестким взглядом внимательных серых глаз.

– Бабушка!!! Изольда Казимировна Терентьева – это моя бабушка.

– Кроме нее кто-нибудь может подтвердить?

– Да мне за ночь дважды скорую пришлось вызывать. В одиннадцать и без минут два. А потом она еще подруг звонила. Попрощаться. Помирать собралась. До утра прощались. А в шесть за мной машина пришла... Ну, наши, наверное, уже рассказали про утренний эфир? Так вот, когда я уезжал, эти калоши еще у нас сидели. Третью бутылку вермута докушивали.

– Что, и впрямь помирала?

– Ага. Щасsss. Сколько себя помню, помирает. Каждый раз, когда кто-нибудь из подданных посмеет ослушаться. Великая артистка в ней пропала – такие спектакли закатывает... Ну, да к делу это не относится.

Лёлик похлопал белесыми ресницами. Утреннее напряжение отпустило и усталость накрыла с головой жарким тяжелым одеялом. Хотелось уже побыстрее закончить этот бессмысленный разговор. Как подруг зовут? Э-э-э-э... Алевтина Авросимовна и Анжелика Феокистовна. Нет, он не издевается. Лет за семьдесят, наверное. Ну, может, по паспорту она и не Анжелика, но все ее так зовут. Нет, фамилий не помнит, и где живут, не знает – надо у бабки спрашивать. Адрес? Да, конечно... Телефон... Нет, на работу его взяли без бабкиной протекции. Это уже потом выяснилось, что с Людмилой Петровной они когда-то сто лет назад знакомы были. Нет, ни с какой коммерческой деятельностью работа отдела не связана. Это у рекламщиков... Нет, к финансам тоже никакого отношения... Нет, посторонние к ним в фон-

ды не ходят. Не положено по инструкции. Это у экспозиционеров проходной двор... Нет, в коллективе конфликтов не было. Ну как не было... Скажем так, всё в штатном режиме. Ничего экстраординарного... У него лично? Нет, врагов у него нет. Нет... Нет, конечно... Нет... Нет... Нет... Да, он не очень хорошо себя чувствует... Вчера? Да, вчера он был на работе. С девяти и до... ну, часов до семи, наверное – посмотрите в журнале на вахте, там время сдачи ключей фиксируется. Да уходил он последним. Да, всё было в порядке. Нет, никого посторонних в помещении музея не видел...

Разговор тянулся целую вечность. Тяжелая апатия сменялась глухим раздражением. Волнами накатывала усталость, пронзительно болела голова, мутило, дрожали руки. Капитан раз за разом повторял одни и те же вопросы в тщетной надежде услышать что-то новое. Потом долго и неторопливо оформлял протокол. И, наконец, собрав бумаги в папку, попрощался, одарив Лёльку напоследок задумчивым тяжелым взглядом.

«Как рублем подарил...» – Лёлька закрыл глаза, откинувшись назад, прислонился к стенке шкафа. И провалился в темноту...

Темнота была живая. Она двигалась, вздыхала, что-то шептала на ухо, гладила по лицу мягкой ладонью, баюкала, укачивала, отгоняла боль и тревогу. «Не уходи... Не остав-

ляй меня. Мне здесь плохо. Я не хочу здесь... Забери меня...» – Лёлька протянул к ней руки, но теплая ласковая сущность вдруг обернулась мерзким вонючим чудовищем с когтистыми лапами. Железной хваткой вцепилась в плечо, пару раз трянула, а потом залепила звонкую оплеуху.

Лёлик подскочил. Перед ним на краешке стола сидел Горыныч – музейский художник.

– Сдурел????

– Ты... эта... спишь штоль? – в нос шибанула очередная волна ядерного перегарного духа.

– А ты меня будил, чтобы спросить, не сплю ли я?

Горыныч издал короткий смешок, больше похожий на хрюканье. Икнул. Почесал сизый нос измазанными краской пальцами:

– Тут эта... народ говорит, начальство на тебя хулиганку повесить хочет. Наше бабё и ментам на тебя настучало. А я так думаю, не ты это...

– Ну, спасибо! Утешил! Без тебя знаю, что не я!

– Тьфу, зараза! Да дослушай, чё скажу! Был тут кто-то ночью! Зуб даю!

– Что, опять в своей кондейке квасил?

– Фи, молодой человек! Посредственность всегда готова оскорбить творческую личность... Но от Вас я такого не ожидал. Никак нет-с, не ожидал...

– Ну, ладно, извини. Не хотел обидеть, извини... Так что тут было-то?

– Ну, в общем, вдохновение на меня снизошло. Писал допоздна в мастерской. Без ложной скромности должен сказать, это будет шедевр! – Горыныч, запрокинул голову и поскреб щетинистый подбородок. Художником он был, действительно, талантливым. Но, к сожалению, как всякий талантливый человек, имел свои маленькие слабости. – Ну вот, оторвался я от холста уже далеко за полночь. Устал, знаешь ли... Ну, принял немного, чтобы расслабиться. Не подумал, как домой-то заявлюсь поддатый – Ирина Сергеевна, голубушка, огорчится...

Лёлька хмыкнул – «голубушка Ирина Сергеевна» была раза в три крупнее своего тщедушного супруга, имела крутой нрав и пудовые кулаки, которые в состоянии огорчения, не раздумывая, пускала в ход. Вот и оставался Горыныч частенько ночевать в своей каморке, что в маленьком тупичке в аккурат напротив железной двери в отдел фондов.

– Значит, выпил я еще немного за удачный почин, – горынычево «немного» означало, что он, в общем-то, мог держаться на ногах, хотя и с некоторым напрягом. – Только прилег, чу! кто-то идет по коридору. Не сторож. Шаги чужие. Да эдак ногами шшир... – шшир... – шшир... Как и не человек вовсе. Каюсь, струхнул я малёхо. Схватил резак – ну, для самообороны. Думаю, бежать надо, а то прямо здесь меня и... того, в общем. А и как выйти-то? Он же меня увидит. Я на четвереньки. Резак по полу стучит – я его в зубы. Выползаю тихонечко. А там – никого. Только слышно: шир... –

шир... Привидение, не иначе!

– Тьфу на тебя!!! – разозлился Лёлька. – Чего ты мне голову морочишь!!!

– Да ты будешь слушать, мать твою??? – рявкнул Горыныч. – В коридоре-то темно, свет только из окна падает, я сразу и не заметил, что возле вашей двери стоит кто-то. Потом эдак – щелк! Видно, замок отпер. Дверь чуть приоткрылась и тень в нее – шмыг! Ну, я посидел на полу – тишина. Думаю, мож, примерещилось? Обратно заполз. Ну, допил, что у меня там оставалось. Чтобы стресс снять. Точно, думаю, примерещилось. Дверь, на всякий случай ящиками придавил, да и спать лег. А утром-то просыпаюсь: вона чо!

– А почему решил, что не я это был?

– А ты на себя посмотри! Хоть и тощий, да вон длинный какой – верста коломенская! В дверь заходишь – прям под самую притолоку головой. Тот тоже худой был. Только совсем мелкий. Моей комплекции примерно. Значит, не ты! Факт!

– А во сколько это было?

– Ну-у-у-у-у... Врать не буду... Не заметил. После полуночи – точно. И не светало еще. Значит, не позже четырех-пяти утра. Слышь, пойдем, выпьем, а?. Я мигом сгоняю...

– И ты ничего не сказал, когда тут всех допрашивали?

– Кто ж мне поверит-то? Поддатому? Да и начальству попадаться под горячую руку в эдаком виде... Сам понима-

ешь... Щас вот очухаюсь малёха, а потом и... Давай выпьем?

– Ты б лучше домой шел, а, Горыныч? А то Ирина Сергеевна искать придет, как в прошлый раз.

Художник втянул голову в плечи:

– Ты абсолютно прав, мой юный друг... В столь юном возрасте столь здравые рассуждения. Похвально. Похвально, – он стёк со стола и, покачиваясь, двинулся к выходу. В дверях столкнулся с запыхавшейся Оленькой. Приподнял воображаемую шляпу, отвесил изящный поклон и, пробормотав «Моё почтение», скрылся из виду.

Оленька проводила его взглядом, покрутила пальцем у виска:

– Чудной старикашка.

В другое время Лёлька бы возразил, что Горыныч старше них совсем ненамного. И что он пишет гениальные картины. И эти картины не раз выставлялись в известных галереях не только России, но и за рубежом. И имя его уже сейчас, в неполные сорок лет, вошло в анналы мировой художественной культуры. И что его работы, бывает, продаются за огромные деньги, которые он тратит на оплату учебы молодых художников и музыкантов, лечение чужих детей, на содержание приютов бездомных животных. И что он дарит свое творчество друзьям и знакомым за просто так. И что сам живет в маленькой однокомнатной хрущевке, доставшейся ему в наследство от родителей. Живет вдвоем с женой-гренадершей, которую трепетно любит, безмерно ува-

жает и панически боится. И что за пьянство его постоянно выгоняют с работы. И что он замечательный, очень интеллигентный и тонко чувствующий человек. Только очень несчастный...

Всё это Лёлик додумывал уже в коридоре. Добежал до железной двери, отгораживавшей помещения отдела фондов от остальной территории музея. По идее, она должна быть всегда запертой. Ну да, кого это заботит... Распахнул и остановился на пороге, оглядывая длинный широкий коридор. Даже, скорее, это зал, а не коридор. Экспозиционеры развешивают в нем художественные и фотовыставки. Справа – ряд высоких вычурно оформленных окон, в простенках между ними стилизованные под старину огромные черно-белые фотографии в тяжелых, имитирующих дерево, рамах. Полукруглый эркер на углу, уставленный горшками с растениями. Еще два окна в стене напротив. По левой стороне в дальнем углу дверь в каморку Горыныча, чуть ближе – выход в общий коридор и от него – сплошная глухая стена, увешанная рамами с фотографиями. Взгляд зацепился за самую крайнюю. Она висела как-то несуразно боком. Лёлька подошел поближе. Так и есть: оборвался шпагат с одной стороны. Подтянул его, попытался связать концы. Не тут-то было. Тяжелая рама выдернула из пальцев скользкую веревку и – шшир... – шшир... – шшир... – начала раскачиваться как маятник взад-вперед, задевая за шершавую стену. Лёлик рассмеялся: вот те, Горыныч, и привидение с нечеловечески-

ми шагами! Потом представил, как в свете уличных фонарей пьяный до состояния нестояния художник с канцелярским ножом в зубах выползает на четвереньках в коридор... Да если б тот грабитель такое увидел – долго бы заикался...

Хороший ты человек, Горыныч. Только свидетель из тебя никакой...

Дорога до дому сегодня показалась Марийке не такой уж напряжной, как вчера и позавчера. Не было ни одной пробки, ни одной аварии. И гламурные блондиночки с неизменным телефоном возле уха за рулем дорогущих тачек, и крутые дяди в наглухо тонированных внедорожниках, и горячие джигиты на разбитых «копейках» вели себя на удивление корректно. И даже почти соблюдали ПДД. Вот сейчас осталось только свернуть во двор. Марийка включила левый поворот и притормозила, пропуская встречные машины. На этом ее дорожное везение закончилось. Поток по встречке оказался плотным, без малейшего зазора и каким-то совершенно нескончаемым. На узкой улочке в каждом направлении было только по одной полосе, и тут же за машиной образовался затор, похожий на разноцветный металлический хвост какого-то фантастического животного. Самые нетерпеливые сразу же начали сигналить. «Побибикайте мне еще! Щас включу аварийку и прямо тут и останусь стоять! Добибикаетесь!» – бормотала себе под нос Марийка, нервно по-

глядывая в зеркала заднего вида. Ну не объяснишь же им, что если сейчас она не повернет, то придется проехать полгорода, прежде чем удастся вернуться обратно. А сзади гудели. И встречный поток не иссякал. «Только не заглохнуть... Только не заглохнуть...» – повторяла как заклинание, а нога на педали сцепления предательски дрожала. И – о чудо! – залпанный грязью по самую крышу, огромный как танк, джип моргнул фарами, притормаживая, а потом и вовсе остановился, уступая дорогу. Пропустил вперед и повернул следом за Марийкой под арку во двор. «Спасибо, добрый человек!» – помигала аварийкой. Уф-ф-ф-ф... Теперь обогнуть дом и припарковаться.

И тут ожидал неприятный сюрприз. Въезд на небольшую площадку, где можно было оставить машину, оказался перегороден вбитыми в землю, наподобие частотола, обрезками железных труб. Марийка озадаченно огляделась.

Квартал был застроен сплошь хрущобами. Выглядели они, надо сказать, вполне прилично, и дворики были уютненькими – с качелями, разноцветными городками, песочницами и прочей детской радостью, с удобными скамеечками в тени раскидистых черемух. И от центра недалеко. И публика здесь обитала в большинстве своем культурная – ни тебе пьяных пролетариев, ни нахрапистых буржуев. Одно было плохо. И Марийка поняла это, только когда обзавелась собственной машиной: напрочь отсутствовали места для парковки. Кто-то из соседей ставил машину у березки

на заросшем травой косогорчике возле дома: и проезжающим не мешала, и не под самыми окнами. Марийка наловчилась втискиваться рядом. Теперь придется искать другое место. Так вас перетак!

Кое-как пристроив возле соседнего дома свою маленькую, похожую на серенькую мышку, машинку, при этом явно заняв чье-то место, (ну, кто не успел – тот опоздал) Марийка оправилась домой. Попинала по пути вкопанные трубы – крепко сидят, зар-р-р-разы, не выдернешь. Кто же это постарался-то? Скользнула взглядом по окнам... А-а-а-а... Ну как же! Кощеюшка! Вон прилип к окну и злобненько так щерится. Сосед по площадке. Вечно всем недовольный брюзга, кляузник и сутяга. Поначалу пытался ее, Марийку, гнобить. То, дверь не так закрываешь, то топаешь громко, то здороваешься сквозь зубы. В общем, не там сидишь, не так свиштишь.

Воспитанная в безоговорочном уважении к «взрослым» людям, Марийка долго терпела. Ну, разве ж можно грубить пожилому человеку? А она, и правда, могла бы и потише, и поприветливей себя вести. Но однажды чаша терпения переполнилась, и Марийка очень подробно и обстоятельно, хотя и не совсем цензурно объяснила, кто он есть, как она к нему относится, и куда он может идти со своими претензиями. Ее демарш возымел действие. Мерзкий старикашка с тех пор не цепляется и при встрече молча проходит мимо. Правда, по-прежнему выглядывает в глазок своей брониро-

ванной двери каждый раз, как только Марийка появляется на лестничной площадке. Ну да это, как говорится, сколько угодно! За погляд денег не берет. И вот на тебе! Отомстил. Гад ползучий!

Крохотная съемная однушка встретила Марийку тишиной и полумраком. За прошедший год она так и не стала местом, которое хочется назвать домом. Допотопная скрипучая мебель и желтые обои нагоняли тоску. Холодильник тархтел, как трактор, подскакивал и булькал. Балкон был завален старым хламом, покрытым толстым слоем уличной пыли. Холодный, посеревший и потрескавшийся от времени кафель в ванной, вечно журчащий унитаз, проржавевшая мойка, щелястые облезшие оконные рамы... Впрочем, все эти «прелести» вполне компенсировались низкой стоимостью аренды и наличием невредной интеллигентной хозяйки. К тому же соседи были тихими и ненавязчивыми (с Кошечем вот только не повезло), подъезд чистым, а окна выходили в тенистый зеленый дворик.

Скинув в прихожей балетки и пристроив продукты в холодильник, Марийка задумчиво оглядела свое жилище, прикидывая, чем сегодня заняться: поклейкой обоев или покраской окон... Идея повернуть хоть какой мало-мальский ремонт появилась совсем недавно. Заручившись поддержкой квартирной хозяйки и получив «добро» на выброс старья и даже обещание компенсировать потраченные деньги снижением квартплаты, Марийка тут же ринулась закупать ма-

териалы. И вот вдоль стены аккуратной горкой сложены рулоны обоев, громоздятся банки с краской, коробки с клеем, кисти, валики... Ну и что, что она, Марийка, никогда раньше ничего подобного сама не делала. Зато сколько раз была на подхвате: поднести, подержать, вытереть. Так что, теоретически знает...

Да и вообще, надо признать, в прежней своей жизни она ничего не делала самостоятельно. Ну как можно доверить что-то ребенку? Разобьет, разольет, заляпает. Дети нынче пошли ленивые, всё спустя рукава, абы отвязаться... Марийка невесело усмехнулась. Есть у маменьки такой пунктик. Если, мол, ребенок ничего не знает и не умеет, то и не сможет вляпаться ни в какие неприятности. Не умеет спичками пользоваться – значит, и не будет, и не спалит ничего, не умеет бытовые приборы включать – значит, не сломает, не знает про водку и сигареты – не будет ни пить, ни курить. А слова «наркотики» и «секс» – это вообще табу. Как только ребеночек их услышит, так сразу пустится во все тяжкие. А так, нет слов – нет проблемы (прямо по Раневской: жопа есть, а слова нету – гыыы), и дитя, чистое и непорочное, держится за маменькину юбку. И в десять лет, и в двадцать, и в пятьдесят. И уж точно не уйдет от нее в этот большой, неизвестный и страшный мир. Ни-ког-да!!! Правда, придется до конца жизни тащить такую великовозрастную дитятю. Но, опять же, есть огромный плюс: можно, ни капли не покривив душой, захлеб жаловаться на беспросветную жизнь

и тунеядцев-детей, сидящих у нее на шее. Упиваться собственным героизмом и сочувствием окружающих. И бить себя пяткой в грудь: яжемать, всё для них, зацените, похвалите мои титанические усилия!

Марийка была спокойным, послушным, приветливым, в общем – абсолютно бесппроблемным ребенком. Даже в страшном подростковом возрасте, когда ее сверстники красили волосы в кислотные цвета, прокалывали носы и языки, забивали на учебу, грубили учителям и ни во что не ставили родителей, она охапками таскала из школы пятерки, прилежно посещала музыкалку, завязывала банты в свои длинные косы и в свободное время постукивала спицами перед телевизором или валялась на диване с очередной книжкой. «Это твой долг – отлично учиться! Чтобы мне не было за тебя стыдно!», «Твой долг быть хорошей дочерью! Чтобы я за тебя не краснела!», «Твой долг – слушаться взрослых!», «Твой долг...», «Твой долг...», «Твой долг...» – «Да, мамочка», «Хорошо, мамочка», «Как скажешь, мамочка» – кивала головой и до дрожи в коленках боялась не оправдать оказанное ей доверие. Долгов было великое множество. Марийка из кожи вон лезла, но постоянно не дотягивала. «Пятерка с минусом? Почему не пятерка?» – «Пятерка? Почему не пятерка с плюсом?», «Неплохо, но можно было лучше», «А вот если бы как-то по-другому сделала – было бы совсем хорошо»...

Марийка проглатывала обиду, кивала «Да, мамочка» и да-

же улыбалась. Потому что знала, наступит день, и она уйдет отсюда в другую жизнь, свободную и радостную. Как Ассоль. Впрочем, нет... Она не станет ждать какого-то убогого мужичонку под бутафорскими алыми парусами. Свой корабль она, Марийка, построит сама. И паруса на нем будут настоящие, из добротной прочной серой парусины, которые смогут выдержать любой шторм.

Повод для бегства из родного дома был найден вполне себе благопристойный. Необходимость получения высшего образования признавалась и поощрялась общественным мнением. А посему сам факт Марийкиного поступления в престижный вуз в большом городе пролился животворным бальзамом на маменькино самолюбие. Факультет, правда, не ахти... Филология какая-то... Ну да это не страшно: «Чем бы дитя не тешилось. Чай, на хлеб не зарабатывать. Поучится, а там, глядишь, и замуж пристроим.»

Марийку сдали на поруки дальним родственникам, клятвенно пообещавшим бдительно за ребенком во все глаза. Слово свое они сдержали, и их опека оказалась еще более жесткой, нежели маменькина, а контроль и вовсе тотальным. Доходило до того, что тетушка провожала ее на учебу и в библиотеку, кормила по часам, конечно же, исключительно здоровой пищей, а дядюшка требовал пересказа заданных на дом параграфов и проверял конспекты. С ними же Марийка проводила все вечера в «теплой семейной обстановке» за просмотром очередного тупого сериала или слезоточивого ток-

шоу. Робкие попытки отстоять себя пресекались самым решительным образом. Через два месяца Марийка, наплевав на приличия, сбежала. В общагу.

Первый год самостоятельности был сущим адом. Опекаемый затюканный наивный ребенок вырвался на свободу, не имея ни малейшего представления о правилах поведения и безопасности во взрослом мире. В мире, который ничего общего не имел с тем, который был любовно создан в воображении. Реальность оказалась суровой, жесткой, а порой и жестокой и совершенно непредсказуемой. Но, черт возьми! Такая жизнь была намного веселее, ярче и интереснее...

Размышлизмы были прерваны неожиданным шумом. Откуда-то от соседей донеслась неразборчивая бубнежка, шумная возня и топот ног. Ну вот, только что порадовалась, какие спокойные вокруг люди живут. Сглазила! Прислушалась. Вроде от Кощея? Да нет... Не может быть. К нему никогда никто не приходит. Бирюком живет...

Марийка собрала в хвостик непослушные жесткие волосы, стянула резинкой и не удержалась повертеться перед тусклым зеркалом. Рыжий цвет, надо сказать, получился очень даже ничего себе... Веселый такой, оптимистичный. Хотя, и блондинкой было тоже неплохо... Потянула отставшую от стены кромку обоев. Из-под бумажной полосы с сухим шуршанием посыпалась штукатурка, рассеялось облачко пыли.

Тэк-с... Оказывается, замена обоев – это довольно-таки

грязное дело. Почесала кончик носа испачканными пальцами. Чихнула. И, решив не связываться сегодня с обоями, а начать свой грандиозный ремонт с расчистки балкона, под звуки нараставшего соседского скандала отправилась варить кофе...

Спустя полчаса чашка ароматного черного напитка остывала на подоконнике, а Марийка озадаченно вертела в руках заклеенный скотчем полиэтиленовый пакет. Судя по его форме и размерам, внутри могла быть толстая большого формата книга. Ну, или прямоугольная уплощенная коробка. В отличие от пропыленного содержимого балконных залежей сверток был свежим и чистеньким, как будто попал сюда вот-вот только что... Да почему «как будто»? Его действительно должны были положить на эту колченогую грязную тумбу не ранее чем сегодня. Вчера вечером его не было. Точно не было. Приходила Элеонора Васильевна, квартирная хозяйка, посмотреть, не осталось ли на балконе чего нужного. Открыла во-о-он ту коробку, развязала этот мешок. Брезгливо поморщилась и махнула рукой: выкидывай, мол, всё подряд!

Потом они вместе пили чай, болтали «за жизнь» и распрощались уже почти ночью. Закрыв за Элеонорой дверь, Марийка вышла на балкон, при свете уличных фонарей грустно рассматривала небрежно складированные кусочки чужой жизни – пыльные и никому не нужные. На тумбочке ничего не было!

Тогда откуда? Вариантов, если логически поразмыслить, могло быть не так уж много. Даже очень мало. Ну, во-первых, сегодня днем пока ее не было дома, кто-то проник в квартиру и оставил пакет. Во-вторых, его могли скинуть с верхнего этажа. Марийка вышла на балкон. Покрутила головой в разные стороны... А ведь и из окна соседней, кощеевой, квартиры можно перекинуть: расстояние-то не больше метра...

Ну, раз установить принадлежность не получается, нужно глянуть, что там внутри. Марийка решительно вернулась в комнату. Под полиэтиленом оказалась плотная оберточная бумага, крест-накрест перетянутая шпагатом. Аккуратно развязала узлы, размотала сверток. Так и есть. Толстая картонная папка с завязанными тесемочками по трем сторонам. Совсем допотопная. А в ней – исписанные листы. Много листов сероватой толстой пористой бумаги. Какие-то просто согнуты пополам или вчетверо. Другие сшиты в тетради. Все изрядно потрепаны, с осыпавшимися уголками, истертыми сгибами, местами покрыты странными розоватыми пятнами. И написано черт-е-пойми на каком языке. Хотя, вроде бы, кириллица... Кой-какие буквы можно разобрать, остальные больше напоминают детские закорючки. И почерк – как курица лапой... Впрочем, цифры, слава богу, привычные – арабские. 1769 год, 1770-й... Мама дорогая!!! О, рисунки... Горы... А тут лошадь. Еще одна... Боже, какие красавцы! Какая грация! Какая мощь! Вот женщина с восточным разрезом глаз в длинном платье. Почему-то лысая.

Рядом с ней огромная лохматая собака. А вот морда, похоже, той же самой собаки. Мужской профиль, цветущий куст, река, степь. Какой-то круг с затейливым орнаментом...

Марийка вертела свою находку и так и эдак. Перекладывала листы один за другим, разворачивала. И обнюхивала (фу! плесенью пахнет), и рассматривала на свет (ого, какие водяные знаки красивые!), и терла пальцем розовые пятна (ой, в пыль рассыпаются!)...

Уф-ф-ф-ф... Прямо как та мартышка с очками. Потерла глаза. На часах давно полночь. Ладно. Если эти бумаги никуда не делись с балкона, то за ночь из квартиры они точно не исчезнут.

Упала на диван, свернулась калачиком и натянула на плечи плед. «Завтра разберусь. Не знаю пока как. Но завтра... Всё завтра...» Уже закрыла глаза, проваливаясь в дрему, но вдруг подскочила, пугаясь в пледе, кинулась в прихожую. Схватила сумку и тут же вытрясла все ее содержимое прямо на пол. Разгребла кучу всякой всячины и вытащила маленький белый прямоугольник визитной карточки.

Вот... Теперь можно спать. Теперь она знает, что делать...

Лёлька толкнул массивную дверь плечом и вывалился на улицу, радостно жмурясь от яркого солнца. Мимо протиснулся небритый мужик с собранным штативом и камерой в огромном кофре – оператор областного телевидения.

Лёлик посторонился, придерживав створку. Тот кивнул в знак благодарности и направился к парковке, где стояли несколько машин с логотипами телевизионных компаний. Видать, совсем летом в Городе с новостями плохо – журналисты слетелись на открытие выставки, как мухи на мед. И телевизионщики, начиная студенческим «УниверТВ», заканчивая солидным «Вести-Сибирь», и радио, и газетчики. Сотрудников буквально рвали на части, перетаскивая от одной камеры к другой, щелкая фотоаппаратами и кнопками диктофонов, тщательно записывая комментарии. Впрочем, выставка действительно получилась богатая: и содержательная, и красивая – показать-рассказать не стыдно. Есть от чего впасть в эйфорию.

На крыльцо выполз сияющий Борька. Неторопливо вытащил из кармана сигареты и эдак небрежно:

– Слышь, меня четыре канала снимали. Я теперь почти что звезда! Смотри вечером. И в двух газетах интервью будет.

– Милый, слава портит людей, – похлопала его по плечу вышедшая следом Ксанка. – Не по чину тебе пока звездить. Такую ахинею нес, у меня аж уши в трубочку свернулись. Учи матчасть, родной. Завтра разбор полетов устроим.

– Ксан Федоровна! Главное, выставку мы классную сделали! А помните, Лёлька вообще когда-то рассказывал на экскурсии, что драга – эта такая фабрика по производству алмазов. Загребает тонну булыжников, выдает килограмм ал-

мазов. Гы-ы-ы-ы...

– Да, классную. Только какой ценой? Из-за твоего разгильдяйства пришлось всему отделу от заката до рассвета пахать. Это в двадцать лет ночь – работе не помеха. А в моем возрасте, знаешь ли, уже сложновато... А Олегу мог бы и спасибо сказать – уж он-то совсем не обязан был нам помогать.

– Так ведь успели!

Оксана показала Борьке кулак и побежала своей дорогой, звонко цокая каблучками по тротуарной плитке. Домой, наверное. У нее двое детей, муж и злющая свекрында, которая нещадно пилит Ксанку за каждый такой ночной аврал... А она красивая. Даже и не скажешь, что уже тридцать пять...

– Да, действительно, спасибо за помощь! – Борька сгреб и с чувством пожал Лёликову ладонь. – А что, я и правда так плохо говорил?

– Не переживай, будут монтировать сюжет, половину записи вырежут. Остальное подгонят и состыкуют так, что мама родная не узнает. Так что, станет еще хуже. Будешь выглядеть полным идиотом.

– Во, блин, порадовал! Кстати, тобой тут один мужик интересовался. Во-о-он тот!

Борькин указующий перст ткнул куда-то за Лёлькину спину. Он обернулся. На стоянке, привалившись к капоту машины, курил давешний капитан. Сегодня он был в штатском, но Лёлька узнал бы его из тысячи других таких же капита-

нов и лишь на секунду напрягся, вспоминая фамилию. Литовченко, кажется...

Внимательно рассматривая фасад музея, он рассеянно скользнул взглядом по молодым людям и, встретившись глазами с Лёлькой, кивнул ему. Тот, обреченно вздохнул и двинулся в сторону стоянки. А подойдя поближе, гаркнул:

– Здравия желаю, товарищ капитан! – случайные прохожие вздрогнули от неожиданности, и перепуганные голуби шарахнулись прочь.

– Приветствую, Олег Николаич! – он не смог удержаться от улыбки. – Поздравляю с открытием выставки! Очень интересно, мне понравилось...

– Рады стараться, ваш сквородие!!! – вытаращив глаза и вытянувшись во фронт опять рывкнул Лёлька.

Капитан рассмеялся и, кивнув в сторону крыльца, «сдал» Борьку:

– Вон твой коллега пальцем у виска крутит.

– Всю ночь на них ишачил, и вот она – благодарность! Таки где справедливость, я вас спрашиваю? – вздохнул, пожимая протянутую руку.

– Садись! – капитан открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья, и пока Лёлик, пробормотав под нос «Ну, сесть я всегда успею», устраивался, обойдя вокруг, сел за руль.

– Рассказывай, сынок!

– Ага, слушайте! По моему глубочайшему убеждению, охота является величайшим социо-культурным феноменом.

Да-да-да!!! Обезьяну человеком сделало ни что иное, как мясоедение. Не то? Ладно... Вы знаете, откуда появилась поговорка «Не при на рожон»? Щас я расскажу. Не хотите?.. Ну, хорошо... Представляете, Тунгусский метеорит на самом деле был неудачным экспериментом Николы Теслы! А название государства Буркина Фасо переводится как «Отечество честных людей». Тоже не нравится? Ой, какой привередливый!..

– Что это? – Литовченко вытащил из кармана и сунул прямо к Лёлькиному носу маленький полиэтиленовый пакетик, в нем лежала прямоугольная карточка, похожая на кредитку.

Лёлик споткнулся на полуслове, слегка отодвинул руку от своего лица, сфокусировал взгляд: «...областная государственная библиотека...» и развернутая книжка нарисована...

– Электронный читательский билет! – пожал плечами. – У меня такой же.

Капитан помедлил, потом повернул карточку другой стороной.

«Зданевич Олег Николаевич» – черными буквами на светлом пластике...

– Это мой билет. Где вы его взяли?

– А где ты его оставил?

– Не помню, – помотал головой.

– Светло-серая ветровка, на воротнике нет одной кнопки, молния на кармане сломана, подкладка оторвана на правом

рукаве...

– Ну да... Была у меня такая. Потерял недавно. А-а-а-а!
Так читательский, наверное, в куртке был?

Капитан промолчал. Побарабанил пальцами по рулю.

– Федотова когда последний раз видел? Константина Петровича?

– Федотова? Кто такой? А! Чокнутый коллекционер! Да больше месяца, наверное. Он приходил в фонды, хотел продать музею документы из семейного архива.

– Купили?

– Угу. Метрическая выписка была то ли его деда, то ли прадеда, свидетельство об окончании губернской гимназии, пара фотографий. Ничего особенного.

– А зачем купили? Если ничего особенного?

– Так он, вроде как, потомок одной известной и богатой купеческой династии.

– А что за конфликт у тебя с ним приключился?

– Да я-то как раз с ним никогда не конфликтовал. Это он почему-то меня на дух не выносит. Неприятный тип. Скандальный. А в тот раз я, как на зло, опрокинул кофе на его документы. Случайно. Ну, виноват, да!.. Так он вообще выверился. Бумагам-то хоть бы хны. Ну, смахнули кофе, потеки смыли аккуратно мокрой кисточкой. Высохли – как так и было! А рев стоял, как будто я леонардовский шедевр кислотой облил. А че, дед уже и в полицию жалобы строчит?

– Ты дома у него когда был?

– Свят-свят-свят!!! Да я на улице-то если его встречаю, то на другую сторону перехожу, чтоб на скандал не нарывать-ся. Нафиг бы мне к нему домой идти??? От психов лучше подальше держаться, – Лёлька на секунду задумался: – А вообще, наши говорят, он никого к себе не пускает. Дверь супер-пупер, сигнализация, окна зарешеченные. Не квартира, а бастион. И этот ненормальный там как «в осадном сидении». А чего случилось-то, товарищ капитан?

Литовченко помедлил, отодвинул назад кресло, всем корпусом развернулся к собеседнику и, глядя на него в упор, словно бы нехотя, произнес:

– Убили Федотова. В том самом его бастионе.

Лёлька заметно вздрогнул, почувствовав, как горячая волна окатила его от макушки до пяток, но пристальный взгляд выдержал:

– Не скажу, что я сильно опечален. Но... странно это очень...

– Ты, сынок, даже не представляешь, насколько странно! В его квартире нашли твою куртку. С твоим – капитан потряс в воздухе пакетиком с карточкой – читательским билетом в кармане. При этом ты утверждаешь, что никогда в этой квартире не был...

– А когда его убили? – Лёлька задохнулся от волнения.

– Сегодня ночью.

– Но, послушайте!..

– Да ладно тебе! Знаю я уже, что весь вчерашний вечер,

всю ночь и все утро, вплоть до этого момента ты провел в музее. Свидетелей куча. Да и записи с камер наблюдения мы проверили. Ты не выходил.

– А отпечатки пальцев?

– Боишься, что наследил на месте преступления? – усмехнулся капитан. – Да не дергайся ты! Шучу! Нет там твоих отпечатков. Равно как и никаких других – очень тщательно всё вытерто.

– О как! Предполагается, что я, после того как грохнул старика, хладнокровно стер пальчики, но, уходя, очень любезно оставил на вешалке куртку, а в ней документ со своей фамилией?

– В кресле, – поправил капитан. – Куртка лежала в комнате на спинке кресла. Подстава – согласен. Причем грубая. Вопрос в другом: кому это надо?

– Кви продест?²⁴

– Не умничай, малыш. Вокруг тебя происходит что-то очень нехорошее. Труп – это более чем серьезно. Думай, кому перешел дорогу!

– Номер твоей галактики в тентуре, думай²⁵... – пробормотал Лёлька. – Какой-то театр абсурда... Кстати, бумаги, которые пропали из стола в кабинете, я так и не нашел. Дома всё перерыл – нету! А у этого... ну, у Федотова... Что-то украли из квартиры? По слухам, у него было полно рари-

²⁴ Qui prodest (лат.) – Кому выгодно

²⁵ Цит. из фильма «Кин-Дза-Дза»

тетов.

– Да в том-то и дело, что непонятно. Коллекционер-то действительно был с приветом. Даже с родным сыном не общался. Мы его привезли, посмотрел, говорит, вроде бы какие-то безделушки пропали. Но украли ли их после убийства, или покойный еще при жизни сам их продал, обменял, выкинул – сказать не может. А барахла там всякого полно осталось. Эксперты утверждают, есть очень ценные вещи. В квартире относительный порядок. Ну, разве что... По-видимому, в бумагах кто-то покопался. Получается, целью ночных гостей был не грабеж.

– Ну, или шли за конкретной вещью и знали, где она лежит. Или только документы искали...

– В общем, я тебя предупредил. Запиши мой телефон. Звони, если что. Я в любое время на связи. И не лезь на рожон, ладно? Кстати, ты так и не рассказал, что это значит?

– Что? А... Ну да... – Лёлька рассмеялся. – Все очень просто. Рожон еще рогатиной называют. С ним на медведей охотились. Такое длинное широкое обоюдоострое лезвие, на копье похожее, насаживали на длинную толстую палку. Эту палку охотник держал наклонно, упирая тупым концом в землю. Когда собаки поднимали медведя из берлоги, он, ослепленный яростью, вставал на дыбы... – Лёлька сгорбил спину, поднял над головой руки с растопыренными пальцами, изображая расщипанного зверя, – ...и со всей дури пёр на человека. Натыкался на острие. Остервенев от боли,

наваливался всей своей огромной тушей, пытаясь достать охотника. Ну, и получается, сам себя закалывал... Будет время – приходите! Покажу настоящий рожон и... – В разговор бесцеремонно ворвалась незатейливая мелодия телефонного звонка. Лёлька вздрогнул и замолчал. Покопался в кармане, доставая старенький смартфончик с трещиной через весь монитор. Увидел незнакомый номер, – ...и даже дам в руках подержать. Вы извините, я пойду...

– Договорились! – Литовченко кивнул головой и повернул ключ в замке зажигания. Двигатель тихо заурчал.

Берггешворен поспешно откланялся. Негоже ему мешаться в государевы дела, не по чину, не по его купеческому разумению. Люди говорят, ба-а-альшой пройдоха тот каторжный император. Ну, Господь ему судия. А у него, раба божия Михаила, своих забот хватает...

Вышел в сени, бросив беглый взгляд в распахнутую дверь казёнки,²⁶ где караульные солдаты, не обратив на него ни малейшего внимания, увлеченно кидали зернь²⁷, неодобрительно покачал головой. Толкнул разбухшую от влаги дверь и, наклонившись под низкой притолокой дверного проема, шагнул на канцелярское крыльцо. Поежился от холодной сы-

²⁶ Казёнка – кладовая, чулан

²⁷ Зернь – костяные кубики с нанесенными на гранях точками – «зернами», а также игра в кости

рости, втянул голову в воротник кафтана, нахлобучил шляпу и торопливо двинулся по улице, глядя под ноги и с трудом вытаскивая тяжелые мокрые сапоги из липкой грязи.

Дел сегодня было много. Обязанности горного надзирателя отнимали немало времени, да и еще один интерес был, свой, собственный. Давеча проведали его люди чудские копы,²⁸ несколькими верстами отстоящие от Энского завода. Привезенные оттоль руды по испытанию в пробирне²⁹ оказались богаты серебром. А паче того – имеют немалое в себе золото. Опытный рудознатец и смекалистый купец, Сибирцев быстро прикинул возможные объемы добычи и выплавки, соотнес необходимые расходы с предполагаемыми доходами, крикнул, почесал затылок и начал сочинять прошение в Берг-коллегию³⁰ о дозволении ему построить партикулярный рудник и сереброплавильный завод при нем. К прошению намерился приложить веский аргумент – искусно отлитые медные да серебряные древние куриозные вещицы, общим весом в несколько фунтов, что найдены были в раскопанной иноверческой могиле там же, недалеко от чудских копей. Так скать, с нижайшим поклоном... в дар ея императорскому величеству... как то прописано в указе блаженныя

²⁸ По старой легенде «чудь» – древний народ, живший в Сибири до прихода русских

²⁹ Пробирня – лаборатория

³⁰ Берг-коллегия – орган управления горной промышленностью Российской империи в XVIII веке

и вечнодостоинья памяти государя Петра Алексеича от такого-то года... Бумага была уже почти готова, теперича только отослать ее с оказией в Губернский Город. А там братец Алексей увезет в столицу и подаст в присутствие как то государевыми законами положено. И вот же ж проруха! Уедет Алексей, не станет дожидаться – и пойдут прахом все его планы...

– Посмотри в мои глаза, слуга Белого Царя!

Сибирцев вздрогнул от неожиданности и поднял голову. Прямо перед ним на узкой улочке благополучного, тихого, мирного и вполне себе русского поселения, провалившись босыми ногами по щиколотку в холодную жидкую грязь, стояла безобразная простоволосая согбенная старуха-инородка. Длинные, до пояса, седые патлы, перехваченные на голове кожаным шнуром, свисали мокрыми сосульками. Костлявые пальцы сжимали массивную деревянную трость. Темное одеяние, расшитое какими-то непонятными побрякушками и ленточками, больше походило на нищенские лохмотья. Но глаза-щелочки, утонувшие в глубоких морщинах смуглого лица, сверкали остро и пронзительно.

Берггешворен застыл на месте. Старуха, не отрывая пристального взгляда, сделала шаг вперед, тяжело опираясь на свою палку, и взяла его за обшлаг кафтана. Помолчала, прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом вздрогнула и закрыла глаза. Тяжело и устало вздохнула.

– Ты хороший человек, я вижу. У тебя светлая душа. Мне

тебя жаль. Я бы хотела тебе помочь.

– Мне не нужна твоя помощь, – берггешворен потихоньку начал приходить в себя, выдернул руку из цепких пальцев.

– Ты и твои люди потревожили тех, кто ушел в вечность, разрыли могилу. Проклятую могилу. Выпустили темные силы. Дахабари³¹ разгневались. Дахабари будут мстить и принесут много зла. Но всё то пустое: отдай мертвым, что ты забрал у них, упокой кости, принеси духам жертву – и я смогу их задобрить. Иначе берегись! – старуха понизила голос до зловещего шепота, страшно захрипела, черты лица ее судорожно исказились, из проваленного беззубого рта полезла пена. – Эрлэн-хан³² пошлет свою собаку. Бойся огненной собаки, слуга Белого Царя!

Страх холодным ручейком пробежал по спине большого сильного мужчины. Он непроизвольно осенил себя крестным знаменем:

– Пшла прочь, ведьма! Изыди!

Шаманка провела перед лицом берггешворена темной мозолистой ладонью с узловатыми скрюченными пальцами, как будто смахивая с него какую-то только ей видимую пелену, посмотрела своими черными, глубокими и... неживыми, что ли... глазами пристально, как будто в душу заглянула:

³¹ Дахабари – духи женщин, проживших тяжелую жизнь, которых истязали мужья и мучили родственники, которые умерли насильственной смертью, за что получили от богов право мстить людям за причиненное им зло и обиды (бурят.)

³² Эрлэн-хан – хозяин подземного мира (бурят.)

– Те люди, кои примут из твоих рук пожитки мертвых, примут на себя и проклятие, а потом передадут его дальше. Выпущенное тобою в этот мир зло почнёт³³ множиться, и пресечь его не сможешь ни ты, и никто из живых... Я вижу, ты смелый и неустрашимый, слуга Белого Царя!.. Токмо³⁴... – старуха нерешительно помялась, взгляд ее неожиданно стал умоляющим и растерянным. – Токмо послушай старую Бугульму – сделай, как я говорю...

Ишь, удумала! Чтобы он, православный христьянин и государев человек, камлал над чудской могилой, как какой-нибудь шаманствующий язычник! Надо бы вернуться в канцелярию, кликнуть солдат, штоб изловили да наказали прилюдно плетьми, яко то законами велено. Дабы не смущала людишек непристойными враками... Сибирцев сурово нахмурил кустистые брови.

Старуха горько усмехнулась:

– Дело твое! – она развернулась и шустро посеменила прочь, кинув через плечо. – Бойся огненной собаки, белый человек! Будет шибко худо – вспомни старую Бугульму! Я приду, ежели повинисься и позовешь меня...

Мокрые лохмотья взметнулись, подхваченные внезапным порывом ледяного ветра, и спустя мгновение скрылись за углом ближайшего магазейна.³⁵

³³ Почнёт – начнёт (устар.)

³⁴ Токмо – только (устар.)

³⁵ Магазейн – склад (устар.)

Берггешворен, как зачарованный, смотрел на оставшиеся в дорожной грязи следы босых ступней. Притихший было дождь хлынул с новой силой. Низкие плотные тучи разорвала ослепительно-яркая вспышка молнии, и тут же грянул громовой раскат такой силы, что ослепший и оглохший Сибирцев в душевном смятении застыл на месте, не в силах решить, что делать дальше.

– Олег? Здравствуйте! Это Мария... Вы к нам в «Утро доброе» приходили, помните?

У Лёльки перехватило дыхание. Господи! Помнит ли он ее? Длинноногая красавица-блондинка. Вся такая из себя фу-ты-ну-ты...

– Несколько дней назад... Ну, если даже не помните – это не важно! Мне с вами поговорить нужно. Срочно-срочно! Олег! Пожалуйста! Вы на работе? Можно я подъеду? Прямо сейчас? – откровенное отчаяние, проскользнувшее в голосе невидимой собеседницы, вернуло Лёлику способность говорить.

– Д-д-да, Мария... Здравствуйте. Конечно, можно. Приезжайте. Что-то случилось?

– Мне ваш совет нужен... Ой, ну не по телефону же...

– А знаете, давайте, где-нибудь кофе выпьем? Всю ночь сегодня авралили, спать хочу – сил нет! Кофейню на Большой Дворянке знаете? Это...

– Через полчаса буду, – перебила девушка. Ее голос за-

метно повеселел. – Спасибо! – и из телефона полетели короткие гудки.

Вот это сюрприз! Лёлька озадаченно улыбнулся. Глянул на время – до конца рабочего дня еще два часа. Подумал: «Придется отпрашиваться» – и порысил искать начальство.

Спустя пятнадцать минут он уже сидел за круглым столиком в маленькой уютной забегаловке.

Чашка двойного эспрессо так и не смогла прогнать сонливость. Мысли лениво крутились вокруг событий последних дней, перескакивая с одного на другое, и ни на чем особенно не задерживаясь. Лёлик рассеянно проводил взглядом неспешно ползущую мимо окна маленькую серую машину. Дождался, пока она развернется и аккуратно припаркуется носом к забору. И, уже отводя взгляд, вдруг вспомнил ощущение окатившей его из-под колес автомобиля ледяной воды. Оно было настолько реалистичным, что сразу же вернулась острота чувств и способность мыслить. Вот он – знак «Прочие опасности» на заднем стекле, рядом – красотка-мультишка и надпись «блондинка за рулем».

Лёлька фыркнул, наблюдая, как из-за руля выбралась высокая рыжеволосая девушка (и не блондинка вовсе!): восьмисоттысячный Город, на самом деле-то, оказывается, очень маленький. Рано или поздно все со всеми встречаются.

Незнакомка, закинув за плечо большую черную сумку, огляделась по сторонам и решительно направилась в кафе. Машинка ей вслед коротко бибикнула, моргнула фарами,

включая противоугонку, и послушно замерла в углу двора.

Перешагнув порог, рыжая девица осмотрелась, кивнула высунувшейся в зал официантке «Эспрессо, пожалуйста» и без колебаний двинулась к Лёлику. Вполне себе обыкновенная симпатичная молодая особа... Плюхнулась напротив него за столик, бережно пристроила свою здоровенную сумку на колени.

– Олег Николаевич...

– Мария??? – выпалил Лёлька, не веря собственным глазам. – Так это ты меня чуть не задавила?

– Я не хотела, – смутилась девушка. – Ты сам под колеса кинулся!

– Так получилось...

Повисла пауза. Молодые люди рассматривали друг друга, потом вдруг одновременно расхохотались.

– Ни в жизнь бы не узнал! Ты так радикально поменяла расцветку...

– Ну-у-у... Время от времени надо приводить внешний вид в соответствие с внутренним содержанием. – Марийка порывисто пощипала себя за челку. – Змеи скидывают старую шкуру, когда та становится тесной. Вот и я... Также... Выросла, наверное, из образа блондинки. Режиссер, правда, был недоволен. И Анька жутко ругалась. Это же она меня в «Утро доброе» сосватала...

– Вы опять никого не можете позвать на утренний эфир? Поэтому и про меня вспомнили? Хотя, в таком случае по-

звонила бы Аня...

– Ой, нет, Олег! Дело совсем в другом. У меня личная просьба. Ты же в околонуточных кругах вращаешься, можешь порекомендовать хорошего специалиста по древней письменности?

– Насколько древней?

– Восемнадцатый век. Если я правильно поняла, 1760-е и 70-е годы.

Лёлик скорчил пренебрежительную гримаску:

– Это ж почти современная скоропись.

– Ну не скажи... – Марийка покачала головой. – Так знаешь такого?

– Знаю. самого лучшего. Это я. И весь в твоём распоряжении...

Марийка недоверчиво улыбнулась:

– Я серьёзно.

– Я тоже. Ну, есть ещё один университетский профессор. Могу дать координаты. Только вряд ли он с тобой станет разговаривать – не барское это дело, да и молодые барышни его давно уже не интересуют.

– А тебя, значит, интересуют? – Марийка ехидно прищурилась

– Очень! Но не все, а только некоторые. Ты, кстати, есть хочешь?

Официантка принесла кофе и положила на столик папку с меню. Марийка поблагодарила и отодвинула всё в сторону,

освобождая место.

– Хочу! Потом... Сначала вот это, – расстегнув молнию на своей торбе, она вытащила вчерашнюю находку. – Посмотри?

Лёлька полистал бумаги, некоторые страницы бегло пробежал глазами, ткнул пальцем в нарисованный круг с непонятным орнаментом внутри.

– Знаешь, что это?

Марийка отрицательно покачала головой.

– Змеевик. Помнишь, я приносил такой в студию? И сдается мне, этот – кивнул на бумагу – как две капли воды похож на наш. Вот это – показал другую картинку – схема шахты. Ого! Энские рудники... Смотри-ка, описана технология извлечения из руды серебра. «Получение черного серебра производится путем освинцевания руды. Сие есть плавка серебряных руд с избытком свинца, ибо выделяющееся из руды серебро растворяется в нем. При рудах, богатых этим металлом, плавку ведут без присадки свинца. Убогие содержанием свинца руды имеют нужду плавить с присадкою...»

Марийка улыбнулась:

– Похоже на конспект.

– Ага. Мне тоже так показалось. Вот рецептик, как выделить из руды золото. Кстати, Энские серебряные руды содержали и золото. «Квартование – есть сплавление данного сплава с таким количеством чистаго серебра, дабы содержание золота в полученном сплаве составляло $\frac{1}{4}$ часть

всего веса сплава и в последующем растворении серебра...» Угу-угу... «Второй высокий металл называемо серебро. Сие от золота разнится более цветом и тягостию. Цвет его толь бел, что ежели серебро совсем чисто и только после плавления вылито, а не полировано, то кажется оное издали бело, как мел. Весу его плепорция к воде как 10535 к 1000, то есть около десяти раз оной тяжелее, а золота почти вдвое легче. Однако протчими свойствами золоту едва уступает. В земле находится оно часто очень чисто, а больше в листках или волосам подобно тонкой и кудрявой проволоке, а иногда в нарочито великих глыбах. Самое чистое серебро имеет почти всегда в себе немного золота...» Мн-да-а... Как будто какой добросовестный студиозус переписывал. Так, а это что? Забавные зарисовочки. Похоже, ручные меха. А вот это, вроде бы, обрушение кровли в штреке. Интересно, кто автор? И кстати, откуда такое богатство?

– С балкона.

– В каком смысле?

– В прямом. И нет – я понятия не имею, как оно туда попало, – Марийка секунду помедлила, собираясь с мыслями, вздохнула и начала рассказывать про вчерашний вечер.

Лёлька внимательно слушал, продолжая листать бумаги. Время от времени поднимал голову, что-то переспрашивал и уточнял. Наконец, уяснив суть, пробормотал:

– Забавно...

– Ну, если учесть, что ночью Кощея убили, то не очень.

Ну, Кощей – это мой сосед, я ж говорила... Фамилия у него... э-м-м-м... Петров, что ли? Не, Сидоров... Федоров... Простая такая...

– Федотов? – Лёлька сжал пальцы в кулаки так, что побелели костяшки.

– О! Точно – Федотов.

– — Значит, чокнутый коллекционер – твой сосед?

– Ну, о том, что он коллекционер, я не знала. А то, что чокнутый... – Марийка хихикнула, – это точно! Я слышала шум поздно вечером, но даже и предположить не могла, что из его квартиры. Рано утром сосед с пятого этажа пошел гулять с собакой, увидел, что дверь открыта. Ну, и вот... – Марийка развела руками.

– Говорят, ночью у него искали какие-то бумаги...

– Откуда знаешь?

Лёлька никак не мог упустить возможность покрасоваться. Загадочно улыбнулся:

– У меня свои источники информации...

– Думаешь, именно эту папку? Что же в ней такого ценного?

Пожал плечами:

– Читать надо. Доверишь мне ее на пару дней?

– Забирай, конечно! У тебя всяко-разно надежней будет.

– Ну, насчет надежности... – Лёлька потер переносицу, вспомнив пропавшие из рабочего стола документы. – Я бы так не стал говорить. Но обещаю беречь, как зеницу ока!

Пододвинул Марийке меню, аккуратно сложил листочки, завязал тесемки и подозвал официантку...

Отбивные были большими и вкусными, а общество приятным, поэтому и проблемы отошли на второй план, уступив место беззаботной болтовне. Говорили о любимых блюдах и любимых книгах. Условились сходить на днях на новый фильм. Вспомнили учебу и работу, нашли кучу общих знакомых, обсудили планы на отдаленное и не очень будущее... Да мало ли о чем еще могут разговаривать молодые люди, сидя рядом за столиком в маленьком уютном кафе, когда впереди целый вечер? Да что там! Целая жизнь!

Потом бродили узкими извилистыми улочками старого Города, не замечая, что в который раз уже проходят один и тот же перекресток. Марийка, испугавшись гавкнувшей из подворотни собаки, отшатнулась и уцепилась за локоть своего спутника. Большая лохматая дворняга протиснулась на улицу, зевнула и дружелюбно помахала хвостом. Девушка рассмеялась, но Лёлькину руку не выпустила. Так и пошли дальше.

– О! Знаешь, где мы? Давай за мной! – Лёлик вдруг свернул с тротуара в заросли крапивы, потянув за собой свою спутницу, провел ладонью по почерневшим от времени доскам забора. Одна из них, державшаяся только на верхнем гвозде, отодвинулась в сторону. Марийка шагнула за ним в образовавшуюся дыру

За забором оказался просторный, чистенький, хотя и явно

нежилой двор. Два покосившихся одноэтажных деревянных домишка, большой двухэтажный – тоже деревянный, множество каких-то мелких хозяйственных построек. Еще два одноэтажных дома – каменный и деревянный – выходили фасадами на параллельную улицу. Эти явно были обитаемыми и, по-видимому, недавно пережили капитальный ремонт.

Лёлик раскинул руки в стороны, будто хотел обнять всю усадьбу:

– Вот... Здесь я вырос. Вон в том флигеле – кивнул головой на самый ветхий в дальнем углу, – жил мой дед. И его дед. И дед его деда.

– Родовое гнездо? – улынулась Марийка.

– Да какое там гнездо! Мой предок, неизвестно откуда пришедший в Город еще при императрице Екатерине II, по семейным преданиям, был нищий бродяга без роду, без племени. Его из жалости приютил в своей усадьбе один купчина. Чем был вызван такой акт неслыханной щедрости – непонятно. В купеческой среде обычно сентиментальностью не страдали. Чувак этот вскоре разорился, его наследники продали усадьбу, и она много раз переходила потом из рук в руки. Но этот флигелек почему-то так и остался в распоряжении того бродяги и его потомков, – Лёлька задумчиво помолчал, пнул попавший под ногу камень. – Дед рассказывал, что раньше здесь много старинных вещей находили. Да и мы с пацанами в детстве тоже кое на что натыкались, когда по чердакам да подвалам лазали. Всем этим домам уже боль-

ше двухсот лет. Даже когда в конце позапрошлого века Большой пожар уничтожил практически весь город, этот квартал, один из немногих, каким-то чудом уцелел. Ну, разве что, вон тот двухэтажный – более поздней постройки. Возводился как доходный дом, в котором квартиры внаем сдавались.

Дед потом умер. Мне тогда казалось, что он совсем старым был. А нашел недавно свидетельство о смерти – всего-то шестьдесят с небольшим... И почему-то такое чувство до сих пор осталось, что там какая-то темная история была с ним связана... – Лелька грустно усмехнулся, взлохматил пятерней волосы на затылке.

– То ли он украл, то ли у него украли, ложечки-то нашлись, но осадочек остался, – процитировала Марийка. – Грустно здесь. Как на кладбище.

– Во-во. Все говорят, что здесь энергетика мощная. Столько веков люди жили на этом пяточке. Рождались, умирали, любили, ненавидели, молились, страдали, пили водку, рыдали, дрались... Убивали... Вот, и ты тоже почувствовала...

– А твои родители?

Лелька снял очки, потер глаза тыльной стороной ладони. Пауза затягивалась...

– Извини... – Марийка смущенно дотронулась до его руки. – Не хочешь – не надо.

– Да ничего особенного. Просто отца я не помню. Он погиб, когда я совсем маленький был. Мать вернулась сюда,

к родителям. Так мы и жили лет, наверное, десять. Изольда – ну, бабка моя – постоянно ее пилила, а после смерти деда вообще как с цепи сорвалась. Садистка престарелая. Потом мама как-то скоростижно вышла замуж и переехала к мужу. Я остался с бабкой. Двое суток она орала дурниной, бесновалась, била посуду и крушила мебель. А потом мама с Михалычем приехали и забрали меня к себе – в маленькую комнатку огромной коммуналки. Там даже вторая кровать не помещалась. Но было так хорошо и спокойно... Да и отчим оказался классным мужиком. С матери пылинки сдувает. Теперь у меня даже маленькая сестренка есть, – Лёлькин взгляд потеплел. – Коза мелкая.

– А что с бабкой?

– Да ничего. Что ей сделается? Она тогда часто приходила, когда отчима дома не было. И каждый раз со скандалами. Однажды схватила меня за руку и попыталась утащить за собой, отвешивая по дороге пинки и подзатыльники. Тогда мать взяла топор и совершенно так спокойно сказала, что если старая карга еще хоть раз обидит ее ребенка – неважно, словом или делом, – этим самым топором она ее и убьет. И глядя ей в глаза, я совершенно четко осознавал: именно так и будет. Бабка ошалела от такого поворота, но, по-видимому, тоже всё поняла как надо. Белой и пушистой, конечно, не стала, однако агрессию как рукой сняло. А всего-то и надо было – топор показать. После этого я у нее часто и подолгу гостил. В этой вот усадьбе. А сейчас у меня, получается,

два дома: у бабушки и у родителей. Мы даже стали общаться по-человечески. Иногда... – Лёлька улыбнулся своей доброй детской улыбкой. – Всё хорошо, что хорошо кончается...

С улицы, под арку между домами, тихо шурша шинами, вползла неприметная простенькая с виду машина. Если бы Марийка, не знала, сколько такая стоит, то и не обратила бы внимания на человека, который выбрался из-за руля. Это был средних лет мужчина, в его темных волосах благородно серебрилась седина, и одет он был с той легкой небрежностью, которая отличает людей состоятельных и самостоятельных, коим чужое мнение вряд ли представляется критерием истины.

Раскинув руки жестом радушного хозяина, он двинулся навстречу Лёльке и его спутнице.

– Сколько лет, сколько зим! Олег! – Заключил его в объятия, похлопывая по спине, отстранился, потряс за плечи, и, наконец, протянул руку для рукопожатия. – Софочка мне уже позвонила, кто-то, говорит, по усадьбе бродит...

– Обзавелся, наконец, секретаршей? – Лёлька с чувством стиснул протянутую руку.

– Каюсь, грешен... Могу себе позволить переложить часть забот на хрупкие женские плечи. В моем возрасте работа уже должна быть удовольствием, а не тяжким бременем.

Он повернулся к Марийке, и ей тоже протянул правую руку. Но не так, как Лёлику, а ладонью кверху. И когда девушка, чуть помедлив, положила на нее свою тонкую ладо-

шку, накрыл свободной рукой. Марийка покраснела и попыталась высвободиться. Секунду помедлив, он как бы нехотя и с огромным сожалением разжал хватку.

– Милая барышня, напомните мне, где я мог вас видеть?

– Но-но-но! Ты эти свои штучки для Софочки оставь! – Лёлька погрозил пальцем. – Знакомьтесь: Марийка – это Тарас Андреевич, Тарас – это Мария.

И уже обращаясь к Марийке, пояснил:

– Этот старый ловелас – мой добрый приятель, по совместительству – владелец антикварного магазина, – Лёлька кивнул в сторону одноэтажного каменного строения, – на задворки которого мы проникли, аки тати³⁶. А еще – богатенький Буратино, который расселил по новым квартирам всех жильцов этой усадьбы. В том числе – и мою бабуку.

– Ах, Изольда Казимировна! – антиквар закатил глаза. – Какая женщина! Огонь! Тайфун! Неистовая и абсолютно бесстрашная...

– Ты просто не знаешь, чем ее пугать! – перебил Лёлька.

Марийка хихикнула.

– Кстати, ты слышал, Коська-шизанутый помер?

Лёлик удивился:

– Господи! Ты-то откуда знаешь?

– Не поминай имя Господа всеу, сын мой, – Тарас чопорно сложил руки на уже наметившимся брюшке. Выдержал паузу и добавил: – А пойдемте-ка ко мне. Чайем угощу. Ни-

³⁶ ...как воры

когда такого не пили! Да и обсудить, я так думаю, нам есть что... Сынок его уже звонил: поскорей хочет папашино барахло сбыть.

– Будешь покупать? – Лёлька тихонько подтолкнул Марийку, пойдём, мол...

– Ну, не знаю. Были у него когда-то прелюбопытнейшие вещицы. Хотел в свое время перекупить – так не отдал, сволочь. А вообще, интересно, конечно, глянуть, чего там наш скупой рыцарь нажил

– Скорее уж Царь Кощей, – фыркнула Марийка.

– Да, пожалуй, такое определение точнее, – согласился Тарас, отпирая своим ключом массивную железную дверь черного хода.

Пропустив ребят вперед, задвинул изнутри тяжелую щеколду и по-хозяйски крикнул куда-то в пустоту:

– Софочка! Позвони, пожалуйста, в приемную мэра, отмени встречу! И верни чайник, у меня гости! – и, сбавив громкость: – прошу, друзья мои!

Они вошли в просторный кабинет. У окна массивный дубовый стол под зеленым сукном. Добротные книжные шкафы, украшенные изысканной резьбой, вдоль стены. Напротив – старинный диванчик и пара кресел, изящный чайный столик.

Пока рассаживались, чеканным маршевым шагом вошла женщина. Какая-то... никакая, что ли. Не молодая, не старая, не красивая, не страшная. Тусклые волосы, невырази-

тельные черты лица...

– Прошу любить и жаловать! – отрекомендовал Тарас, принимая из ее рук чайник с кипятком, – Софья Васильевна! Мой добрый ангел.

«Ангел» одарила молодых людей блёклым взглядом спущенных глаз дохлой рыбы, растянула в стороны кончики губ, что, вероятно, должно было являться улыбкой, развернулась, как по команде «Ать-два!», и таким же строевым шагом покинула кабинет.

– Убей меня тапком – я тебя не узнаю! – Лёлька не сразу отмер.

– Понимаешь, мой юный друг, длинноногих политически грамотных мне и помимо работы хватает, хозяин неторопливо вытаскивал из шкафа и расставлял на столике чашки, заварочный чайник, вазочки с конфетами и печеньем, прочую немудрящую закуску. – А Софочка – профессионал от бога. Я ей спокойно отдал самую неприятную часть бизнеса: бухгалтерию, налоговую, пожарнадзор, некоторых особо проблемных клиентов. Плюс, она никогда ничего не забывает и все поручения выполняет идеально и в срок.

Наконец, из недр антикварной мебели появилась бутылка дорогого коньяка. Марийка отрицательно покачала головой. Тарас развел руками: дело, мол, твое, и плеснул тягучей янтарной жидкости только в два пузатых бокала.

– Пьяный за рулем – преступник, – хотел было съехидничать Лёлик.

Но Тарас понял его с полувзгляда:

– А я сегодня больше никуда не поеду. Здесь останусь.

– Очередную любовь прогнал?

Антиквар покачал головой:

– Не-е-е... Не прогнал. Пока еще. Вообще, знаешь, я придумал, что сделаю с изольдиной развалюхой. Оборудую себе берлогу. Проект уже заказал. Правда, придется чуть ли не половину всех бревен поменять. Дешевле было бы новый дом построить. Но, знаешь, нравится он мне...

– Как трогательно... – язвительно усмехнулся Лёлька.

– Ничуть. Голый расчет. Видели, какая конфетка из той халупы получилась? – Тарас ткнул пальцем куда-то в стену. – Я в нем турбюро открою. Буду специализироваться на въездном и экстремальном туризме. Кстати, Олежка, переходи ко мне на работу! Не хочешь? Ну да ладно, обсудим потом еще... В двухэтажном ретро-гостиницу сделаю...

– А в лебедевском? Ну, тот, который рядом с бабкиным?

Антиквар пожал плечами:

– Не знаю пока. Есть одна мыслишка, и я ее думаю. Ваше здоровье! – он отсалютовал бокалом. – М-м-м-м... Видел тебя на днях в телевизоре...

Задумчиво покачал бокал на ладони, внимательно рассматривая его содержимое. Потом неожиданно хлопнул свободной рукой себя по лбу и, рассмеявшись, перевел взгляд на Марийку.

– Вспомнил! Ну как же я мог не узнать очаровательную

барышню из телевизора? Старее... – сокрушенно покачал головой и плеснул себе еще коньяка. – Так, о чем я?.. А, да! Ты, помнится, змеевик эдак эффектно продемонстрировал. С чего решил, что он имеет отношение к Проклятому каравану?

Лёлька развел руками:

– У нас в каталоге он так обозначен.

– Пх! – Тарас пренебрежительно фыркнул. В вашем каталоге и не такого понапишут. Все ваши досоветские фонды откуда взялись?

– После революции были национализированы коллекции разных учреждений и обществ, частные собрания. На их основе и создавался музей. В областном архиве, кстати, есть фонд нашего музея. Некоторые категории документов по истечении определенного времени передаются на государственное хранение.

– Умница! – похвалил антиквар. – Возьми конфетку. А когда в следующий раз будешь в архиве, посмотри описи, а еще глянь фонды исполкомов губернского и городского советов. Наверняка где-то есть передаточные описи. Если повезет, найдешь материалы, собранные прежними владельцами. Может, и еще чего интересного... Вообще, знаете, друзья мои, вокруг этого самого Проклятого каравана в последнее время какая-то нездоровая суета происходит. Коська недавно им интересовался. Звонил, просил дать заключение по какой-то вещице.

Марийка с Лёликом переглянулись.

– Какой?

– Не знаю. Я назвал стоимость моих услуг, – хихикнул Тарас. – Не смог отказать себе в удовольствии послушать, как его жаба душит. Я ж не знал, что тебя это так интересует. Извини.

– Это могла быть рукопись? – вкрадчиво поинтересовался Лёлька

Антиквар сделал неопределенный жест:

– Кто бы знал... Мне тогда показалось, что это какой-то предмет. Я особо не стал заморачиваться. Другие дела были...

Помолчал, думая о чем-то своем. Гости терпеливо ждали продолжения.

– Здесь, в усадьбе, тогда чертовщина какая-то началась. Работяги, которые ремонт подрядились делать, разбежались. Пригрозил, что не заплачу ни копейки. Сказали: «Вай, хазаын! Нэ нада дэнги. Худая дэнги. И дом худая. Мертвый смерть ходит с косо́й». Больше я их не видел. Потом другая бригада сбежала: привидение, мол, тут бродит. Попробовал по ночам сам покараулить. Точно, шарахается гад какой-то. Думал, поймаю – убью! Не поймал...

– Чё в полицию не пошел?

– А чё я им скажу? В старых развалюхах призрак завелся? Марийка, представив ситуацию, не удержалась от улыбки.

– Да и нехай с ним! Пушай ищет. Все равно ничего не най-

дет. Нету ничего. Сам проверял. Все закоулки обнюхал, с металлодетектором облазил. Мелочевки разной насобираю. Так, ничего существенного...

– Слушайте, а ведь человек с металлоискателем вполне может сойти за смерть с косою, – вклинилась Марийка.

– Угу. Меня та же мысль посетила. Только мой-то покруче будет. И после меня искать – дохлый номер.

– А какое отношение усадьба имеет к тому каравану? – не поняла Марийка.

Теперь настала очередь мужчин переглядываться.

– Долгая история... – нехотя начал Лёлька.

– Ну, если в двух словах... – протянул Тарас. – Первым хозяином (ну, по крайней мере, первым установленным) был берггешворен Сибирцев. Батюшка его по Городу в купечестве числился, детей имел кучу. Одних сыновей только – пятеро. Торговали по всей Сибири – и тихоокеанской пушнинной, и китайским чаем. Очень влиятельное семейство было. А тот, который наш – по горному ведомству пошел. На Энских заводах чин двенадцатого класса выслужил. Это тебе не фунт изюму! Городским головой был. Братец его депутатом в Екатерининскую Уложенную Комиссию ездил.

– Ты щас целую лекцию прочитаешь! – перебил Лёлик. – Короче, в том караване пропал то ли сын, то ли племянник нашего Сибирцева. И он немало сил приложил к его поискам. Слу-у-ушайте, а ведь покойный Федотов утверждал, что он прямой потомок этой династии! Вроде как даже генеало-

гическое древо свое составил аж за триста лет.

– Брешет! – Тарас брезгливо поморщился. – Ты видел эту генеалогию? Вот и никто не видел. На самом деле, какой-то из его пра-пра- был то ли троюродным, то ли четвероюродным по материнской линии кому-то из боковой ветви Сибирцевых. Короче, нашего забора двоюродный плетень. Проверить можешь. Если не лениво...

Лёлька почесал затылок:

– А ведь как правдоподобно врал. Даже сомнений ни у кого не возникало.

Тарас вдруг тихонько чертыхнулся:

– Слушай, брат, старею! Память стала подводить!

Выбрался из кресла, подошел к столу, открыл маленьким изящным ключиком ящик и достал небольшого формата тонкую книжку. После чего вернулся к собеседникам.

– С моими призраками совсем обо всем забыл, – протянул книгу Лёлику. – Глянь, какую прелесть я недавно в Питере нашел. Ты не смотри, что переплет новодельный. 1823 год издания! Воспоминания одного столичного чиновника о Городе. Букинист на сайте просил за нее сущие копейки. А как узнал, что я интересуюсь, взвинтил цену так, что мама не горюй!

– Хорошие у вас отношения с коллегами! Теплые, – хмыкнул Лёлик, рассматривая хрупкие пожелтевшие странички.

– Они мне не коллеги. Они конкуренты. Ты возьми домой. Почитай внимательно! А почему ты спросил о рукописи? Ну,

когда я сказал, что Коська просил что-то оценить?

Молодые люди переглянулись. Лёлька кивнул головой: можно, мол... Марийка слегка приподняла брови: как скажешь, – и вытащила из сумки вчерашнюю папку, развязала тесемки.

– Коськины?

– Скорее всего...

Тарас взял верхний лист. Посмотрел на просвет. Сощурился, пытаюсь разобрать слова. Вытащил из кармана небольшую лупу. С минуту изучал бумагу, чернила. Задумчиво почесал затылок.

– Подлинник. Либо очень талантливая имитация, – бегло перелистал остальные. – Думаю, все-таки подлинники. Один документ подделать можно. Знаю умельцев. Но такую кипу бумаг... Смысл? Впрочем, всё бывает. Интересно, где Коська их стырил? Постойте-ка... Любопытно, очень любопытно...

Антиквар замолчал, рассматривая карандашный рисунок на небольшом обрывке.

– Лёлька! Сними очки!

– Зачем?

– Надо! И повернись боком!

Тот подчинился.

– Ой-ё!.. Машенька, вы ничего не видите? – он подвинул девушке листок с изображением мужского профиля.

Марийка хотела было обидеться на «Машеньку» – то-

же мне медведь нашелся! Но любопытство перевесило: человек на рисунке показался знакомым. Очень-очень знакомым. Наклонила голову в одну сторону, в другую, покачала в сомнении. Н-н-нет... Не вспомнила. В поисках поддержки подняла глаза на Лёльку и тихо ойкнула. Вновь уставилась на бумагу. Аккуратно прикрыла ладошкой всклокоченную бороду незнакомца. На старой пожелтевшей бумаге был нарисован... Лёлик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.